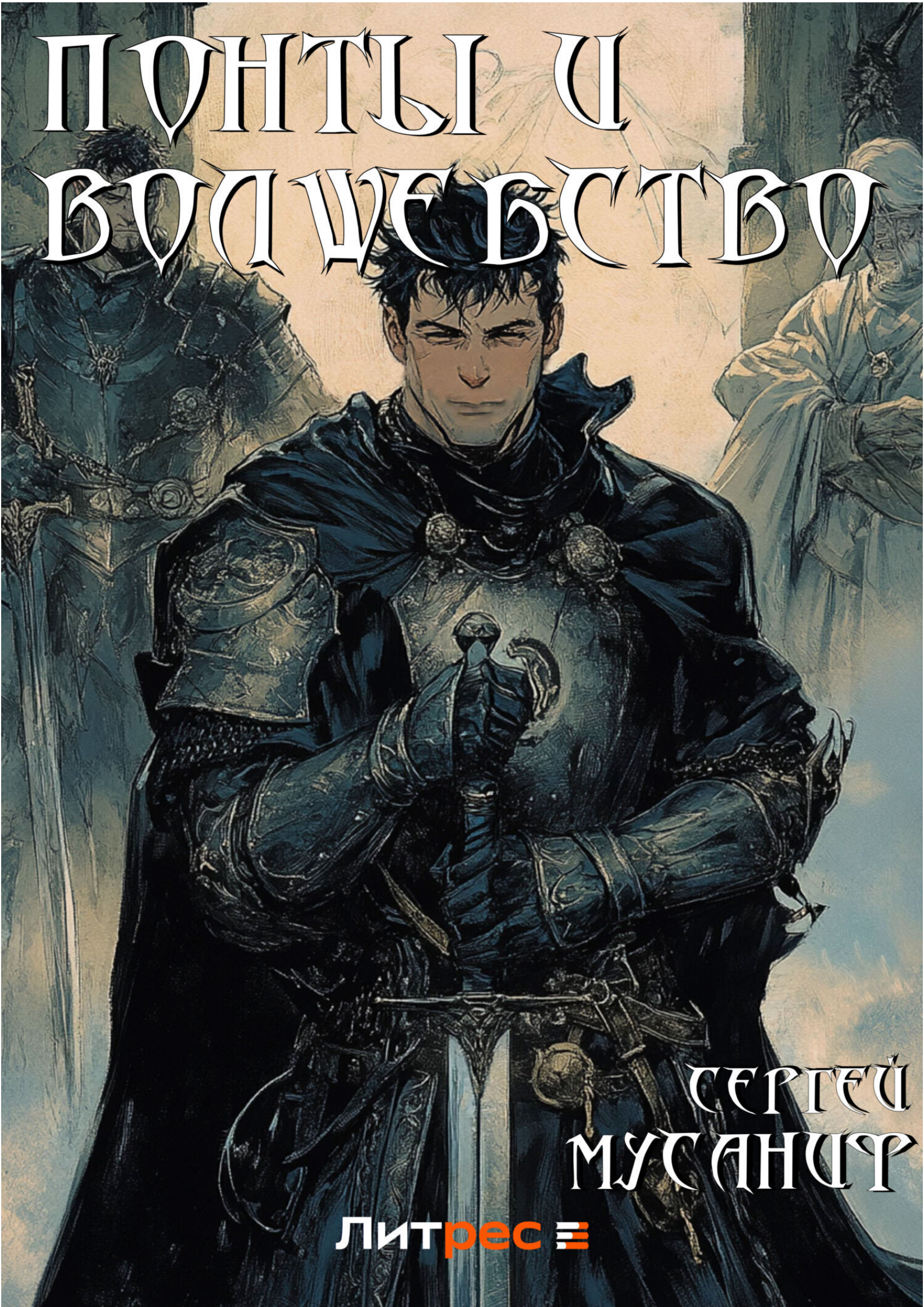

ПОНТЫ И ВОЛШЕБСТВО

СЕРГЕЙ
МУСАНЦУ

Литрес

Сергей Мусаниф
Понты и волшебство

«Автор»

2005

Мусаниф С. С.

Понты и волшебство / С. С. Мусаниф — «Автор», 2005

Что такое «магнум» против доспехов, вымоченных в крови дракона? Сказано сразить Темного Властелина зачарованным мечом – будь любезен, сражай. И никакие армии тебе не помогут. Один на один – так должна решиться судьба этого мира. Герой всегда в светлом, против него главный злодей, носящий черные цвета. Рыцарь Света против Князя Тьмы. Упрощенная схема любого противостояния. А кто из двух антагонистов носил цвета тьмы, потом решит победившая сторона. В конце концов, историю пишут не проигравшие...

© Мусаниф С. С., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	18
Глава третья,	33
Глава четвертая,	51
Глава пятая,	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Сергей Мусаниф

Понты и волшебство

Глава первая, в которой отважный герой встречает прекрасную леди, попавшую в беду, и отправляется на поиски приключений

Утро не задалось.

Не помню, с какой ноги я встал, зато прекрасно помню, что под нее сразу же подвернулась пепельница, которая, соответственно, тут же перевернулась, и окурки рассыпались по ковру. Ковер был правильный, с длинным ворсом, и процесс его чистки даже при наличии не менее правильного, чем сам ковер, моющего пылесоса обещал мне много недружелюбных взглядов домработницы.

В новом доме улучшенной планировки и повышенной комфортности вода из крана по утрам шла чуть теплая, а холодный душ, хоть он и способен разбудить человека, имевшего неосторожность под него залезть, и придать этому человеку заряд бодрости на целый день, отнюдь не способствует появлению у вышеупомянутого человека хорошего настроения. Вдобавок оказалось, что полотенце упало с сушилки, на которую я его вчера бросил, и всю ночь пролежало на полу, естественно не став от этого суше и теплее.

Разогнав холодную воду по телу при помощи мокрого и холодного куска ткани, я натянул спортивный костюм и поперся в кухню на предмет приготовления завтрака. Кофеварка неприятных сюрпризов не преподнесла, и это обнадеживало.

Я нарезал сосиски, обжарил их на вологодском сливочном масле, которое мой приятель Васька нарезает из ворованного на таможне «Анкора» в подвале одного из подмосковных домов, залил все это дело пятью яйцами и взялся за солонку, потом за перечницу. Крышка перечницы открутилась при третьем же взмахе руки, и ароматно пахнущая яичница покрылась толстым слоем, но отнюдь не восхитительного молочного шоколада, а жгучего красного перца, что явно делало блюдо непригодным для поглощения.

Оставлю за кадром все те слова, что я сказал перечнице. То ли ей не понравился мой тон, то ли то, что я кинул ее в угол, но она треснула и отказалась от дальнейшего функционирования в роли столового прибора.

Открыв холодильник, я обнаружил, что сосиски были последними, яйца тоже, и мне, видимо, придется обойтись без горячего завтрака, а я этого крайне не люблю.

Один мудрый дед, с которым я познакомился, когда служил в армии, за время долгого общения убедил меня в том, что завтрак является основной едой в течение всего дня. Завтрак можешь жрать сам, говорил он, обед подели с каким-нибудь другим духом, но ужин отдай деду; усекаешь, салага? Я усекал – по мере своих скромных возможностей.

Кстати, звучит парадоксально, но сами деды ужин почему-то любили. Будучи дежурным по кухне, я частенько видел их унылые лица, возникающие в окошке для выдачи пищи примерно через полчаса после отбоя. И хотя зачастую эти унылые лица целиком не помещались в окошко, в глазах у дедов были голод и тоска.

– Дай пожрать, салага, – говорили они.

– Идите, пожалуйста, в... – отвечал им я. – У меня проверка на носу, мне недостаю не нужна.

Обычно после этого они вежливо уточняли, куда именно я рекомендовал им отправиться, закатывали рукава и стучали в дверь с требованием впустить их внутрь. С моей стороны не следовало никаких возражений, ибо дверь была хлипкой, а порча казенного имущества в мои планы не входила.

Деды заходили на кухню и убеждались, что размеры окошка для выдачи пищи не позволяли им правильно оценить реальные габариты салаги, отказавшегося дать им пожрать, после чего они говорили:

– Живи пока.

И, сохранив лицо, деды шли туда, куда я рекомендовал им отправиться с самого начала.

– Дай пожрать, – сказал я холодильнику.

– Дверца открыта, – ответило шведское чудо бытовой техники, а подумало, наверное, примерно то же, что я когда-то говорил стаям голодных дедов, имевшим неосторожность забрести на территорию кухни.

– Сам туда иди, – сказал я.

Масла было полно, оно и понятно, Васька заезжал в гости совсем недавно. Но избытка других продуктов, равно как и их присутствия, в означенном холодильнике не наблюдалось. Пива, водки и шампанского было хоть отбавляй, а вот продуктов – нет.

Немного порывшись в лесу стеклянных бутылок, я нашел банку лучшей закуски к хорошему коньяку – если вы настолько забыли правила хорошего тона, что имеете неосторожность закусывать хороший коньяк. Некоторые мои знакомые такую неосторожность имеют, поэтому закуска у меня была.

Я не большой любитель морепродуктов, да и стосорокаграммовой баночки, пусть даже с маслом и хлебом, моему организму явно недостаточно для того, чтобы с ходу вписаться в бурлящий жизнью реальный мир, но за неимением лучшего пришлось довольствоваться тем, что есть в наличии.

Когда я намазывал черной икрой второй бутерброд, за спиной раздались чьи-то шаги, сменившиеся весьма эротичным зевком.

– Что за дела, Светлана? – строго сказал я, даже не повернув головы. – Женщина в доме, а есть совершенно нечего.

В качестве прелюдии к ответу я получил два слабых удара кулаками в спину.

– Какая я тебе Светлана, свинья!

Тирада была достаточно гневной, чтобы заставить меня отложить в сторону бутерброд, убрать от греха подальше горячий кофе и обернуться. Действительно, это оказалась не Светлана. Но самый любопытный для меня факт заключался в том, что эту девушку я не знал.

А стоило бы, потому что она была как раз в моем вкусе.

Немного о моих вкусах.¹

Женщины!

О, женщины! О женщинах можно говорить часами, но, если попросить человека, который говорит о них часами, написать все то, что он говорил, он выдохнется уже на третьей строчке. Женщина – это самая непостижимая загадка Вселенной. Она может быть ангелом с нимбом над головой, но стоит какому-нибудь облачку омрачить горизонт ее жизни, и через десять секунд вы получите разгневанную фурию с развевающимися по ветру волосами, и в каж-

¹ О сносах. Кто-то любит сноски, читая их даже раньше, чем абзацы, к которым они относятся, и считает, что книга без сносок несерьезна и поверхностна. Не буду с ними спорить. Лично я сноски не люблю. Они мешают насладиться литературным произведением, заставляя глаза рыскать по странице туда-сюда в поисках разъяснений, переводов и разочаровывающих фраз типа «непереводимая игра слов» (если она и вправду «непереводимая», то за что, хочется спросить, получают свои гонорары наши доблестные переводчики?). И, поскольку я являюсь автором литературного произведения, которое вы сейчас видите перед собой, устанавливать правила буду я. Сносок не будет! Данный конкретный экземпляр был первым и, если у меня получится, последним. А в случае, если я посчитаю необходимым давать какие-то разъяснения, ищите их прямо в тексте. Может быть, это и снижает динамику раскручивания сюжета, зато дает отдых глазам.

дом ее взгляде вам будут мерещиться темные аллеи и отравленные кинжалы. Женщины прекрасны, нежны и добры. В то же время они коварны, хитры и злопамятны.

Кое-кто из моих знакомых считает, что женщине необязательно отягощать себя мозгами, и ссылается при этом на библейскую легенду об Адаме и Еве, согласно которой женщина была создана из единственной в теле мужчины кости, не имеющей костного мозга. Я не готов согласиться с таким взглядом. Глупые женщины так же неприятны, как и глупые мужчины, и все очарование самой раскрученной фотомодели рассыпается прахом, стоит ей только открыть рот.

Я люблю женщин вне зависимости от количества выпитой водки. Наверное, я – лесбиян.

Фигура, лицо, прическа, вкус при выборе одежды, отсутствие рязанского говора, хотя бы легкий налет интеллигентности и многообразие тем для беседы – вот что я в первую очередь ценю в противоположном поле. Существуют и другие критерии, но они не столь важны при первичной оценке кандидатуры на роль подружки.

С фигурой, лицом и прической у незнакомки все было в порядке. Что касается вкуса при выборе одежды, его трудно было оценить за полным отсутствием таковой. Вряд ли золотая цепочка на шее, серьги в ушах и браслет на левой ноге могли сойти за одежду, а больше на ней ничего, простите за подробности, не было.

Далее по списку. Рязанского говора в ее речи не было, равно как и любого другого характерного для провинции говорка. Она назвала меня свиньей, что не слишком интеллигентно, но, согласитесь, вполне могло иметь место в данной конкретной ситуации. Что касается всего остального, то выяснить это можно было, только вступив в диалог, к которому она, судя по всему, была не слишком расположена. Я имею в виду, что, если человек расположен к конструктивной беседе, он не будет гордо поворачиваться к вам голой... э-э-э... спиной и не уйдет в направлении спальни.

Во мне разыгралась природная любознательность. Я быстренько сунул в рот бутерброд, запил его половиной чашки кофе и пошел по следам прелестной незнакомки на предмет установления личности и наведения контактов. Войдя в спальню, я понял, что подаренный мне эпитет был очень мягким, ибо сам себя в такой ситуации я охарактеризовал бы еще хуже. Наша одежда, я имею в виду ее и свою одежду, была разбросана по всему полу и завязана в очень хитроумные и наводящие на длительные размышления узлы, зачастую встречавшиеся в самых неподходящих для одежды местах, чему я не придал особого значения при пробуждении ввиду своей непроходящей утренней невменяемости. Судя по этим узлам, а также по растерзанному состоянию постели, забыть имя девушки было просто верхом хамства и невоспитанности с моей стороны.

Девушка как раз развязывала один одежный узел в попытке высвободить свои колготки.

Я деликатно поскреб пальцами по косяку.

– Извини, – сказал я. – Имело место временное помутнение рассудка. Мне показалось, что сегодня четверг и пришла моя домработница. Она занимается всякими покупками. И ее зовут Света. Она приходит по четвергам.

– Я – не твоя домработница, – сказала она.

– Я уже догадался.

– Это же надо так нажраться, – сказала она, обращаясь к противоположной от меня стене. – Чтобы наутро даже забыть мое имя.

– Позволь внести поправку, – сказал я. – Я не нажираюсь, а выпиваю в компании хороших друзей, причем выпиваю весьма умеренно и знаю свою норму.

– Да уж, – сказала она.

– Да, – подтвердил я. – И вообще все твои обвинения беспочвенны. Я помню, как тебя зовут.

– И как? – Яда в ее голосе хватило бы, чтобы отравить половину моих сотрудников, а штат у меня, к слову, весьма нехилый.

– А вот теперь не скажу, – сказал я. – Потому что ты ложно обвиняешь меня во всяческих пакостях.

– Не выкручивайся, – сказала она. – Меня зовут Ира, свой телефон я тебе не оставляла, так что можешь не волноваться. Более мы с тобой не увидимся.

– Печально, – сказал я.

– А все могло бы быть не так, если бы ты не оказался такой сволочью, – сказала она.

В битве с одеждой Ира одерживала верх, и теперь я разговаривал уже не с голой, но с полуодетой девицей.

Ловить тут было нечего, и я ушел допивать свой кофе.

Один знакомый ловелас как-то поведал мне, что женщины, они на самом деле как трамваи. Не в том смысле, что красные и постоянно лязгают на стыке рельсов, а потому что бегать за ними нет никакого смысла, все равно не догонишь. А через пять минут подойдет другая.

Утешившись сей нехитрой философской мыслью мужской шовинистической свиньи, я допил кофе и закурил свою первую сигарету. Когда до фильтра оставалось две затяжки, со стороны входной двери послышались металлический скрежет и приглушенные проклятия.

– Верхний замок, два оборота по часовой стрелке, – сообщил я. – Потом дерни за засовчик. Кстати, тебя куда-нибудь подвезти?

Ответом был стук захлопнувшейся двери. Я пожал плечами. Поскольку о событиях предыдущей ночи я почти ничего не помнил, сожалеть было особенно не о чем.

Ну напился. Ну забыл. С кем не бывает? И зачем так драматизировать?

Я выглянул в окно и посмотрел Ире вслед. На улице была самая натуральная осень, унылые деревья, лишенные лиственного покрова, лужи на асфальте и спешащие по своим делам прохожие. Сашке Пушкину бы понравилось.

По пути на стоянку я выкурил вторую сигарету. Черная кошка дважды перебежала мне дорогу, так что пришлось плевать, стучать себя по голове и держаться за пуговицу на пиджаке.

Сторож приветствовал меня своим обычным невнятным бурчанием и столь же обычным запахом перегара. Я помахал ему рукой, и выходить из своей каморки он не стал. Мой аппарат стоял рядом с выездом, на одном из самых престижных мест, и, как ни странно, стоял довольно ровно.

При моем приближении он радостно пискнул сигнализацией и открыл дверцу. Я плюхнулся на сиденье, сунул ключ в замок зажигания и закурил третью сигарету. Каким бы хорошим ни был собранный в Германии мотор, перед началом движения его надо прогреть. Те, кто пренебрегает этим правилом и крутит холодный двигатель на всю катушку, расплачиваются капитальным ремонтом поршневой уже через год эксплуатации.

Кстати, кто-то может заметить, что я слишком много курю. Это факт, с которым я не собираюсь спорить. Зато я регулярно навещаю спортзал, хожу в фитнес-клуб и бегаю трусцой по выходным. Дыхание у меня хорошее, на общее физическое состояние тоже грех жаловаться, так что можно покурить. Работа у меня довольно нервная.

Я бизнесмен, соответственно соседи считают меня бандитом, и при всем моем желании, если бы оно у меня присутствовало, я не смог бы их в этом разубедить. Но желания кому-то что-то доказывать у меня уже давно нет, кроме того, времена сейчас смутные и в некоторых ситуациях куда выгоднее иметь репутацию бандита, нежели таковой не иметь.

В общественном сознании произошли какие-то сдвиги. Слово «бандит» не потеряло своего первоначального значения и продолжает характеризовать человека с отрицательной стороны. Однако бандитами считаются почти все люди, которые умудряются зарабатывать больше трехсот зеленых американских рублей в месяц, независимо от того, как они их зарабатывают.

Много денег у него, говорит простой обыватель, много денег и хорошая машина, понятное дело откуда. Бандит.

Страшно сказать, но некоторые девушки вместо того, чтобы ждать принца на белом скакуне, как и положено юным романтическим особам, стали мечтать о коротко стриженном отморозке на последней модели «БМВ» с непременно дробовиком под сиденьем.

Простой обыватель, который в любом деле разбирается куда лучше, нежели специалист, посвятивший этому делу всю свою жизнь, далее сообщает, что отличить бандита от нормального человека можно по некоторым внешним признакам. Бандиты, по мнению простого обывателя, обычно хорошо одеты, коротко подстрижены и ездят на новеньких импортных машинах. Разговаривают они либо на одних «понтах», и таких личностей относят к так называемым быкам, или торпедам, либо же, напротив, в общении весьма вежливы и обходительны. Вежливых и обходительных принято считать бандитами еще хуже, потому что они являются авторитетами и гораздо более жестоки, нежели их подчиненные. В качестве примера абсурдности такого определения хочу рассказать, что не далее вчерашнего дня по отношению к описываемым событиям имел удовольствие лицезреть посредством телевидения интервью с неким господином Швыдким, министром культуры РФ. Одет безукоризненно, разговаривает крайне вежливо, по городу передвигается на новеньком Б-пятом «фольксвагене-пассате», а прическу вы видели и сами. И какую же ступень в криминальной иерархии должен занимать этот воспитаннейший и культурнейший человек? Не иначе как казначея московского общака.

Так что если встретите где-нибудь простого обывателя, можете смело плюнуть ему в левый глаз. И скажите, что это я передал.

Поскольку я был единоличным владельцем и генеральным директором своего небольшого бизнеса, никто не стал указывать мне на прискорбный факт опоздания на работу.

Головной офис моего предприятия располагается на одной из периферийных бензоколонок из принадлежащей мне сети. В центр города по утрам добираться целая проблема, сплошные пробки и дорожные работы, а здесь, в Московской области, все довольно тихо и спокойно.

Здесь я встречаюсь с кем мне надо, а кто не надо не знает, где меня искать.

Я выпил чашку кофе, закусил парочкой бутербродов из кафешки при заправочном комплексе, позвонил двум нужным людям, послал подальше одного ненужного и углубился в бумаги.

Примерно в половине двенадцатого в кабинет завалился Александр и подпер собой южную стену. Он пожелал мне доброго утра, я ответил ему тем же, несмотря на то что по моим меркам уже давно наступил день, и тут Александр заглох, всем своим видом показывая, что знает нечто, о чем не хочет говорить, но говорить о чем ему явно придется.

– Ну, – сказал я, закуривая сигарету.

– Думаю, будут у нас проблемы, – сказал он и снова заглох.

Я выкурил сигарету до половины. Когда он в таком состоянии, лучше его не торопить. Начнет нервничать, заикаться и в итоге будет рассказывать свою историю в три раза дольше.

– Какого рода проблемы? – спросил я.

– С безопасностью, босс, – сказал он. – Борю вчера грохнули.

– А мы здесь с какой стороны? – спросил я.

– На его место придет Леня.

– Ну и что? Боря, Леня, это все мелкое местное хулиганье. Их проблемы никоим образом нас не касаются, так что вы что-то напутали, Александр.

– Нет, босс, – сказал он. – Ничего я не напутал. Леня – тот еще отморозок.

Я зевнул. Мне было скучно. Боря, Леня... Сколько на моем веку было таких Леня и Боря, и все они были либо отморозками, либо беспредельщиками, либо кем-то еще. Главное в нашем бизнесе – это обращать на них поменьше внимания. Отличительной особенностью подобных субъектов являются крайне непродолжительные сроки жизнедеятельности их орга-

низмов, которые, я имею в виду сроки жизнедеятельности, обычно прерываются при помощи небольших кусочков свинца или пакетиков Си-4.

– Приедет – поговорим, – сказал я Александру. – И нечего раньше времени панику устраивать.

– Просто у нас тут, типа, заправка, босс, – сказал он. – Очень уязвимое место с точки зрения пожарной безопасности.

– Вы слишком много беспокоитесь, Александр, – сказал я.

– Лучше бы нам держать офис ближе к центру, – сказал он.

Это старая песня, он считает, что самые реальные люди в бизнесе должны иметь кабинеты с видом на Кремль. Сколько раз он пытался уломать меня арендовать здание в Москве, и сколько раз я говорил ему о практической стороне этого вопроса. Находиться в области было удобно, плюс к этому я имел возможность держать руку на пульсе событий. И никакие внутренние разборки местных криминальных группировок, на территории которых, совершенно случайно, кстати говоря, оказался мой головной офис, не могли поколебать мои позиции по данному вопросу.

Это случилось в три часа пополудни.

Я подкреплял силы в нашем кафе (лучшая кухня в Московской области, доложу я вам; от клиентов не было бы отбою, если бы шеф-повар готовил всем так, как он готовил мне!), когда появился Александр с очень бледным лицом и трясущимися руками.

– Началось, – сообщил он, и если бы я не знал Александра так хорошо, как я его знал, то по его внешнему виду и тону, которым он произнес это одно-единственное слово, я мог бы предположить, что началась Третья мировая война или очередной Киндерсюрприз объявил очередной дефолт.

Поскольку требовать от него объяснений в этой ситуации было бессмысленной тратой времени, да и вряд ли бы мой заместитель сумел приехать с такими вестями откуда-то издалека, что в нынешнем его эмоциональном состоянии было просто нереально, я решил, что что-то началось здесь, и вышел посмотреть, что же именно началось. Александр пошел за мной.

Долго искать причину взбудораженного состояния моего помощника мне не пришлось, ибо обнаружилась она прямо по курсу, метрах в двадцати от выхода из кафе. Если бы я не обедал в отдельном кабинете, то имел бы удовольствие лицезреть происходящее прямо из-за столика, чем, кстати, и занимались немногочисленные посетители пункта общественного питания. Лицеزرели.

Прямо Рим какой-то, подумал я. Хлеба и зрелищ.

Рядом с заправочными колонками стояла только одна машина. Это была, как говорится, того, кого надо, машина. Черный с тонированными стеклами «мерин» в сто сороковом кузове с шильдиком «600» на кромке багажника с одной стороны и табличкой «Брабус» на противоположной.

Вокруг машины имели место быть пятеро субъектов. Четверо в одинаковых кожаных плащах до самого асфальта и в темных очках. Их можно было бы принять за близнецов, если бы они не разнились возрастом и комплекцией. Пятым был мой заправщик. Он сидел на мокром асфальте рядом с валяющимся там же заправочным пистолетом и всем своим видом давал понять, что только что получил тяжелые повреждения – в рабочее, спешу заметить, время – той части тела, которая просто необходима для ношения черных вязаных шапочек с вышитыми на них логотипами моей компании. Иными словами, ему только что дали в глаз.

Он молчал. Очевидно, сказать ему было нечего. Зато остальные орали напропалую, и, судя по тому, что один орал громче других, главным был он. Это был тип, телосложением напоминающий матерого хряка, правда, если бы сему достойному представителю непарнокопытного животного мира ударила бы в голову блажь вырядиться в черный кожаный плащ и передвигаться только на задних ногах. Я подошел поближе и остановился, предоставляя всем

возможность высказаться. Хряк сразу заткнулся, смерил меня весьма недружелюбным взглядом и заявил, что хочет видеть менеджера этой заправки.

– По какому поводу? – поинтересовался я.

Отличающийся благоразумием Александр стоял метрах в двух позади меня и намного восточнее.

– По поводу обслуживания клиентов на этой дерьмовой заправке, – сказал он.

– Вас плохо обслужили? – спросил я.

– Да!

– И в чем же это выразалось, позвольте поинтересоваться?

– А кто ты такой, чтобы чем-либо интересоваться? – крайне невежливо и агрессивно спросил он.

– Я не помню, чтобы вы входили в круг моих близких знакомых, – сказал ему я. – И я так же не помню, что мы пили с вами на брудершафт, так что не вижу для вас никакого извинительного повода говорить мне «ты».

– Он не заплатил за бензин, – сообщил Александр с безопасного расстояния.

– Вот как? – удивился я. – Вы не заплатили за бензин? И после этого вы еще жалуетесь на плохое обслуживание?

– Я – Леня Подольский, – сказал хряк. – Я не собираюсь ни за что платить в своем районе.

– А я – хозяин этой заправки, – сказал я. – И спешу вас уверить, что на моих заправках платят все.

– Ага, – сказал Леня. – Так ты, значит, хозяин. С тобой-то я и хотел побазарить.

– По какому поводу? – поинтересовался я.

– Насчет того, кто и кому тут платит, – сказал он. – У тебя большой бизнес на моей территории, а Бог велел делиться.

– Я делюсь, – сообщил я. – Но Бог не указывал лично на вас, поэтому я делюсь с Андрюшей Беляевским.

– Андрюша Беляевский здесь не катит, – сказал Леня.

– Любопытное замечание, – сказал я.

– И будешь ты мне отстегивать... тридцать косых для начала. В месяц. А потом посмотрим.

– Весьма самонадеянно с вашей стороны, – заметил я, – ставить мне такие условия.

– Ты же не хочешь, чтобы тут все вспыхнуло? – спросил он.

– Определенно не хочу, – согласился я. – И готов принять для этого любые меры.

– Вот и прими, – сказал он. – Тридцать косых в месяц.

Человек явно не представлял реальных масштабов моего бизнеса, иначе не стал бы требовать столь скромную сумму, но просвещать его на этот счет я не собирался. Его разведка плохо приготовила свое домашнее задание, и это уже не моя проблема.

– Это солидная сумма, тридцать тысяч, – сказал я. – Хотелось бы уточнить, что именно я покупаю за эти деньги.

– Тишину и спокойствие.

– Тут и так было тихо и спокойно, – сказал я. – До вашего визита. Кстати, раз уж мы заговорили о тишине и спокойствии, я хотел бы уточнить, за что вы ударили моего человека.

– Этого?

– Именно его.

– Он оперся на мою машину.

– Это серьезная причина, – согласился я. – Но, понимаете, в любом обществе существуют какие-то нормы приличия и правила, которыми руководствуются входящие в это общество люди, и согласно этим правилам, ударив моего человека, вы нанесли оскорбление лично мне. Так что, я надеюсь, вы сможете правильно оценить то, что я сейчас сделаю.

Весовые категории у нас были примерно одинаковые, разве он был чуть полегче, поэтому особо соизмерять силу удара я не стал и врезал ему от всей души. А человек я душевный.

Здесь я хочу заметить следующее: даже в банальной кулачной драке на бензоколонке к делу надо подходить профессионально и точно знать, какие именно повреждения вы хотите нанести каждым своим ударом. Для того чтобы точно отмерить дозу удара, вы должны отчетливо представлять, кого вы бьете, за что вы его бьете и какие в дальнейшем у вас с ним должны сложиться отношения. Допустим, если вы, приняв на грудь пару лишних бутылок водки, повздорили со своим близким другом, обсуждая подробности вчерашнего футбольного матча, нет смысла укладывать его в реанимацию с сотрясением мозга и множественными ушибами и переломами.

Леня, пришедшей на смену Боре, с которым у меня существовали определенные договоренности, мне не понравился, и никаких дальнейших с ним отношений я не планировал. Он вел себя глупо и, приехав сюда, совершил как минимум две грубые ошибки, каждая из которых была для него фатальной. Поэтому повреждения он должен был получить максимальные, чтоб и другим неповадно было... Кое-кто, конечно, может заметить, что бить в лицо главаря криминальной группировки не слишком-то разумно, поскольку подобные личности бывают крайне обидчивы и отличаются хорошей памятью к нанесенным оскорблениям, но, поверьте, у меня тоже были свои резоны.

Мой правый кулак вонзился в его челюсть. Челюсть хрустнула и уехала в сторону. Настоящий профессионал может многое определить по звуку удара в челюсть. Некоторые умудряются даже подсчитать количество выбитых зубов с погрешностью в одну единицу. Я такими способностями не отличаюсь, по моим прикидкам, жевательных и клыков он должен был потерять от двух до пяти штук. Получив в челюсть, Леонид отправился в непродолжительный полет, который был грубо прерван возникновением у него на пути бензоколонки. Приложившись о колонку затылком, он медленно сполз на асфальт.

Трое его коллег отступили на шаг и извлекли из-под плащей бейсбольные биты.

Забавно. Как-то не замечал, что американский вариант лапты пользуется в нашей стране бешеной популярностью, однако биты для него встречаются в любом магазине спортивных и около того товаров, расходясь в общем-то весьма неплохими партиями. Забавно, что другие аксессуары для этой игры типа бейсбольных мячиков, перчаток-ловушек и доспехов для кетчера таким же успехом не пользуются и встретить их на прилавке гораздо труднее. А биты – это да.

Вторым любопытным фактом было то, что никто из спутников Леонида не попытался подойти к нему и поинтересоваться, как дела. Зря. Если бы он им ответил, они бы дважды подумали, прежде чем сделали то, что они сделали.

Они пошли на меня.

Причем у них был такой вид, словно им не впервой было приближаться к людям с бейсбольными битами в руках и ярко выраженным намерением показать, кто на этой грядке главный перец. Они еще не знали, что это мой огород.

Мне давно не доводилось так веселиться, и я подошел к вопросу творчески. Перехватил первого молодчика, сломал ему руку, врезал по голове его собственной битой, при этом не позволяя ему выронить сей спортивный инвентарь на асфальт. Второго встретил ударом ноги в живот, и тот сразу же потерял биту, сознание и интерес к происходящему. Третий был достойным противником. Он продержался секунд пять, после чего получил тупоносым португальским ботинком в... район детородного органа, закричал фальцетом и упрыгал в сторону леса.

Я подобрал оброненную им биту и немного поработал над внешним видом их автомобиля, окрестив получившийся результат «тюнингом от Геныча». К этому моменту Леонид начал подавать признаки жизни, пробуждая во мне дикое искушение засунуть биту ему в... левое ухо. Однако я отказался от столь варварского способа общения и помог Леониду усесться

в машину. Точнее, улечься. Через лобовое стекло. Его ботинки немного поелозили по полированному когда-то капоту и затихли.

– Вызовите эвакуатор и уберите отсюда этот мусор, – сказал я Александру, а сам пошел заканчивать трапезу.

Наблюдая через окно, как охранники грузят ребят в машину, а саму машину – на эвакуатор, я закурил сигарету и набрал телефонный номер. Как обычно, ответили после первого же гудка.

– Слушаю.

– Приветствую вас, Андрей.

– А, бензиновый король, – сказал Андрей Викторович, предпочитающий, чтобы в миру его называли Андрюшей. – Сколько лет, сколько зим!

– Два дня, – поправил я.

– Да? – удивился он.

– Сауна, – сказал я. – Девочки, пиво, карты, стрельба по неподвижным мишеням.

– Так ты тоже там был?

– Я все оплачивал, – сказал я.

– Провалы какие-то в памяти, – сказал он. – Сауну помню, девочек помню, пиво помню. Тебя и стрельбу не помню. Чего звонишь-то? Я на этой неделе больше не пью.

– А я так, из интереса, – сказал я. – Хотелось бы задать вам один весьма интимный, я бы даже сказал, деликатного свойства вопрос.

– Я люблю блондинок.

– А я – рыжих, но в данный момент я хотел спросить о другом. Известны ли вам места, где вы, прошу прощения за мой французский, не катите?

– Известны, – сказал он, мгновенно настораживаясь. – В Удмуртии, Ямало-Ненецком автономном округе и в Конго. Потому что я там никогда не был. Но не думаю, что мне бы там отказали, если бы я попросил.

– Забавные вещи в последнее время происходят с географией, – сказал я. – Никак не думал, что мой офис с утра переехал в Удмуртию.

– Зная твою извращенную манеру излагать свои мысли, – сказал Андрюша, – я могу предположить, что столь вычурным образом ты пытаешься дать мне понять, что на тебя наехали.

– Похоже на то.

– Ты сказал им, что работаешь со мной?

– Именно так я им и сказал.

– И они тебе ответили, что я там не качу?

– Так они и ответили.

– Козлы.

– Согласен целиком и полностью, – сказал я. – С этим надо что-то делать.

– Козлов надо учить, – сказал Андрюша. – А тех, которые не учатся, надо валить. Кто это был?

– Подольские, по-моему.

– Ага, Борю вчера завалили, – сказал Андрюша. – И поперла реакция. Если не ошибаюсь, за старшего у них теперь должен быть Леня.

– Он и приезжал.

– Сломали чего-нибудь?

– Можно и так сказать.

– Я оплачу ущерб, – сказал Андрюша. – Вышли мне все счета.

– Боюсь, мы друг друга не так поняли, – сказал я. – Я просто похулиганил немного.

– Куда приехать за трупами?

– Окститесь, молодой человек, – строго сказал я. – Трупов не было. Я же сказал, что похулиганил немного.

– Я твое «немного» знаю, – сказал он. – Леня, он... он в состоянии разговаривать?

– Разговаривать – не знаю, – честно признался я. – Но слушать может.

– И то ладно, – сказал Андрюша. – И пусть только попробует кивнуть не в том месте. Я закрою твой вопрос до вечера.

– Очень на это рассчитываю, – сказал я.

– Можешь о них забыть, – сказал он. Голос его не предвещал подольским ничего хорошего. – Я этих местных мальчиков знаю. Есть у них две машины и двадцать стволов, так они себя уже круче гор чувствуют, а в нашем бизнесе, ты знаешь, это очень опасное заблуждение. Боря таким же был.

– Не вы его?..

– Сто лет он мне нужен, – сказал Андрюша. – Я на кабаки трачу больше, чем он в месяц зарабатывает. Зарабатывал.

Я не стал смущать его вопросом, когда он на самом деле в последний раз за что-то платил из собственного кармана, в конце концов, у каждого свой стиль. Мы еще немного потрепались о погоде, политике и финансах, после чего он сказал, что его мальчики уже вызволили больницу, в которую везут Леонида, и он отправляется туда, чтобы поговорить с хирургами-косметологами. На этой оптимистической ноте мы попрощались.

Часа через два мне позвонил сам Леонид. Ну, если быть точным, то звонил и разговаривал кто-то из его мальчиков, однако сам Леонид присутствовал при разговоре в виде фонового мычания, кваканья, хрипения и сопения.

– Это, – сказал голос в трубке, – я, типа, от Лени звоню. По его просьбе, типа. Извините за беспокойство.

– Ничего-ничего, – сказал я. – Никакого беспокойства.

– Мы... э-э-э... как его, это самое то... типа, приносим вам свои извинения за утренний инцидент. Это, типа, целиком наша вина.

– Согласен, – сказал я.

– Мы готовы возместить весь ущерб, реально.

– Не стоит, – сказал я.

– Ну, тогда, типа, еще раз извините. Мы не правы были, реально. Нам уже все объяснили. В это я готов был поверить. Уж кто-кто, а Андрюша может быть чертовски убедительным при любого рода объяснениях.

– Это, типа, больше не повторится.

– Знаю, – сказал я.

– Без обид? – с надеждой спросил голос.

– Без, – согласился я.

– Еще раз извините.

Он начал повторяться, и я положил трубку, про себя восхитившись оперативностью Андрюшиной работы. Вот почему в нашей стране организованную преступность не победить. Слишком хорошо она организована. Значительно лучше, чем те структуры, которые призваны ее победить.

Поразмыслив немного на тему, кто и как, а также для каких целей организовывает преступность, я закончил свой рабочий день, убрал документы в сейф, закрыл кабинет и пошел на парковку.

Тут-то все и началось.

Рассматривая произошедшие события задним числом, я пришел к выводу, что фраза «тут-то все и началось» не отражает полностью моего эмоционального отношения к этой истории. Это все равно как Великую Октябрьскую революцию, день свершения которой русский

народ со свойственной ему одному логикой отмечает в ноябре, назвать незначительным событием в культурной жизни страны. Рядом с моей машиной стояла ОНА. Да, не она, а именно ОНА – тремя заглавными буквами. Она была вылитой копией матери моих восьмерых детей, которых у меня еще нет. Высокая, ниже меня лишь на полголовы, стройная, она должна была быть грациозной, как маневрирующий на горном серпантине «бимер», она была красива, как может быть красив сто сороковой «мерс» в день покупки, она была привлекательна, как может быть привлекательна цена в двадцать тысяч долларов за этот «мерс». Такой женщине можно было простить даже рязанский говор.

Одета она была странно. На ней были кожаные штаны в обтяжку, куртка с бахромой и кожаные сапожки. Что тут странного, спросите вы? Кожа была очень хорошейделки, намекая о приличной цене на комплект, однако одежда выглядела так, как и должна выглядеть повседневная одежда человека, продирающегося через лес или преодолевающего водные препятствия вплавь. На клубный костюмчик она явно не тянула. Слишком много потертостей, царапин и заплат.

И в то же время она выглядела стильно. У нее были длинные каштановые волосы, водопадом ниспадающие на плечи, пронзительные зеленые глаза и ослепительно белые зубы. К сожалению, поначалу я не смог оценить идеальной формы ее ушей, но и без этого эффект был поразительным. Она рассматривала мою машину. Это мне понравилось. Мне нравится, когда женщины знают толк в машинах, а в моем аппарате было что рассматривать часами. Но, как только моя нога ступила на асфальт стоянки, девушка сразу же обернулась и одарила своим взглядом меня. Под пристальным взором ее прекрасных глаз я почувствовал себя толстым, глупым и неуклюжим, хотя, по моему пристрастному мнению, не являюсь ни тем, ни другим, ни третьим. Как только она обернулась, я заметил на ее левом боку короткий кинжал. Ну, то есть коротким он был для кинжала. Для перочинного ножика он был очень длинным и легко попадал в категорию холодного оружия. Ходить по городу с таким инструментом, даже в качестве украшения, было не слишком разумно. Однако у меня почему-то сложилось впечатление, что незнакомка использует его не в качестве украшения.

– Добрый вечер, сударыня, – сказал я. – Могу ли я вам чем-то помочь?

– У тебя прекрасный скакун, – сказала она. – благородных ли он кровей?

Манера выразить свои мысли у нее была странной, но порою и меня кидает в блажь словоблудия.

– Еще каких благородных, – сказал я. – Германская конюшня «Даймлер – Крайслер», тренировка «АМЖ», выведен специально для трудных дорожных условий.

– И как его имя, о незнакомец?

– Джи-ваген, – сказал я.

– Дивное имя, – сказала она. – Обнажи свою левую длань, благородный рыцарь!

– Э-э-э... – сказал я глубокомысленно. – Простите, но что именно вы хотите, чтобы я обнажил, сударыня?

Она протянула руку и дотронулась до моего левого бицепса.

Бицепсы – это моя гордость, так что упустить шанс покрасоваться перед красивой девушкой, тем более когда она сама об этом попросила, я не мог. Должен вам сказать, что демонстрация бицепса осенью – занятие неблагодарное. Летом вы просто задираете рукав футболки, при условии, что вы носите майки с рукавами, и вот он: хочешь – издалека любуйся, хочешь – руками щупай. Сейчас же мне пришлось скинуть куртку и закатать рукав рубашки.

Прекрасная незнакомка не обратила внимания на внушительный объем мускула, казалось, ее больше интересовала натянутая, как на барабане, кожа.

– Узрите знак Избранного! – чуть ли не благоговейно прошептала она и дрожащим пальцем дотронулась до моей татуировки. – Дракон, зверь небес!

Я не большой любитель тату, и вытатуированный на левом бицепсе дракон был вынужденной мерой. Дело в том, что в армии у меня было прозвище Бульдог, и на втором году службы кто-то из дембелей предложил сделать мне соответствующую наколку. То ли у дембеля тряслась с перепою рука, то ли по жизни он был не великим художником, но то, что должно было изображать упрямого и свирепого пса, превратилось в голодного шакала с маниакальными наклонностями во взгляде. Кроме того, наколка выглядела так, будто кто-то попытался рисовать на мне бледно-синей шариковой ручкой и не слишком в этом преуспел. Поэтому, когда я стал чуть старше и гораздо круче, наколка начала меня смущать. Результаты выведения татуировок, чаще всего в виде обезображенных участков кожи, как после ожогов второй степени тяжести, мне уже доводилось лицезреть, а посему я отправился в путевый салон и попросил наложить что-нибудь сверху.

Накрыть шакала оказалось возможным только драконом. Я не специалист, да и мастер едва ли был китайцем, обслуживающим триады или якудзу, но дракон получился неплохим. Сине-красно-зелено-золотой с черными вкраплениями, он раскрывал свою пасть, и вылетающее из нее пламя опоясывало всю руку. Тату было несравнимо лучше голубого шакала, однако я не думал, что оно способно повергнуть кого-то в благоговейный трепет.

– Да, симпатичный зверек, – сказал я, опуская рукав и надевая куртку. – Могу я сделать для вас еще что-нибудь, сударыня?

– Конечно, о благородный рыцарь, – сказала она. – Тебе потребно отправится со мной в священное место.

– Интересное заявление, – сказал я. – И далеко ли отсюда находится священное место? Потому что я знаю эти края довольно неплохо, и со священными местами здесь туговато.

– Четверть дневного перехода, – сказала она.

– Я не слишком разбираюсь в пешеходных мерах длины, сударыня, – сказал я. – Сколько это, если на ма... верхом?

– В путь! – провозгласила она. – Я покажу дорогу.

Я сделал шаг к машине и распахнул перед незнакомкой переднюю дверцу.

Многое можно сказать о женщине только по тому, как она садится в джип.

Существует много способов, скажу лишь о двух самых распространенных.

Первый заключается в том, чтобы повернуться к проему спиной, закинуть на сиденье свое мягкое место, а потом втянуть в салон ноги. Не самый эстетичный вид, если вы понимаете, о чем я говорю. Правда, второй способ еще менее эстетичен. Следует закинуть одну ногу в салон, а затем, опираясь одной рукой на сиденье, а второй на ручку дверцы, пропихивать свое тело в проем. К счастью, прекрасная незнакомка не воспользовалась ни одним из перечисленных. Она поставила сапожок на подножку и одним грациозным движением с небольшим разворотом в воздухе заняла свое место. А я для себя уже точно решил, что это действительно ее место.

Я вышел из ступора, обошел машину и уселся за руль. На трассу мы выехали в молчании.

Минут через двадцать незнакомка указала мне еле заметный с трассы поворот на проселочную дорогу, ведущую в глубь леса. Я крутанул руль, и мы запрыгали по кочкам. То ли от тряски, то ли оттого, что вокруг резко темнело, проснулась моя темная вторая половина. Она была гораздо мрачнее и жестче, чем первая, зато неизмеримо мудрее.

И, едва продрал глаза, она тут же начала вопить о ловушке.

Я призвал на помощь логическое мышление и пришел к выводу, что, если бы меня хотели похоронить в этом лесу, можно было избрать сотню более легких способов. Пуля на стоянке, пуля в подъезде, динамитная шашка в районе правого переднего колеса... Подсовывать мне девушку – это не стиль Леонида и ему подобных субъектов. Те действуют проще и прямолинейнее.

Моя спутница молчала, против чего я нисколько не возражал, любуясь ею в полумраке салона под легкую инструментальную музыку, струящуюся из колонок.

Примерно через полчаса автомобильной прогулки по лесу вокруг начало ощутимо светлеть. Логическое мышление отказалось помочь в разрешении этой ситуации, ибо до утра была еще целая ночь, а электрическое освещение в лесу не предусмотрено. За следующим поворотом ситуация проявилась сама собой.

Свет исходил от установленной поперек дороги арки живого пламени.

Огонь был ярким, цвета расплавленного золота, и зависал в воздухе живым воплощением знаменитой операционной системы Билла Гейтса, короче говоря, вел себя так, как не положено себя вести любому порядочному лесному пожару. И, кстати о пожарах, вокруг ничего не горело.

Но главное было не в этом.

Арка делила дорогу пополам, и за ней начиналась другая реальность.

Не более и не менее реальная реальность, чем та, в которой я существовал всю свою жизнь. Она была просто другой, и это было понятно с первого взгляда. В ней тоже был лес, но он совсем не напоминал куцые и выхолощенные подмосковные насаждения. Это был стихийный, многовековой лес, заполненный гигантскими деревьями, перед которыми самые продвинутые земные баобабы выглядели бы тонкими, качающимися на ветру березками. Этот лес жил своей жизнью, не похожей на что-либо, виденное мною ранее. И в этом лесу, несмотря на полумрак, был день, откуда-то я точно это знал. А сумрачно там лишь потому, что могучая листва заслоняет солнце.

И еще в этом лесу были люди. Они призывно махали нам руками.

Я посмотрел на свою спутницу.

– Наш путь лежит в те места, о благородный рыцарь, – сказала она.

– Почему-то это меня не слишком удивляет, – сказал я.

И в этот ответственный момент у меня зазвонил телефон.

Глава вторая, в которой герой знакомится со своими соратниками и отправляется на поиски магического артефакта

Ни в коей мере не собираясь катить бочку или даже небольшой бочонок на монстров беспроводной телефонной связи типа «Эрикссона», «Моторолы» или «Сименса», хочу привести старый и не очень смешной анекдот.

Хорошо, когда у вас есть телефон.

Удобно, если их два.

Роскошно, если три.

Блаженство, если ни одного.

Может быть, и не очень смешно, зато справедливо. Понимающие люди со мной соглашались. Так вот, я бы в этот анекдот, ради исторической справедливости, добавил еще одну строчку. Про сотовый.

При всех своих неоспоримых достоинствах, которые я и не собираюсь оспаривать, сотовый телефон обладает также рядом недостатков, наиболее существенным из которых является его способность трезвонить в самые неподходящие моменты. О, сколько студентов было выдворено с лекций и экзаменов по его вине! О, сколько любовников проклинали его, лежа под кроватью в попытке спрятаться от рыскающего по квартире мужа и тщетно нажимая на все клавиши подряд голой пяткой своей левой ноги! Сколько чудных снов было нарушено с его помощью! Сколько романтических ситуаций испорчено проклятым виброрезонансом!

Я полез в карман, нащупал там телефон и сунул его в ухо. Поймите меня правильно, я – парнишка крупный, а телефон у меня – продвинутый (читай – маленький), так что со стороны это выглядело именно так. Прекрасная незнакомка посмотрела на меня, как на врага рода человеческого.

– Алло, – сказал я.

– Здорово, Геныч, ты где пропадаешь?! – заорал голос в трубке. – Мы тебя уже полчаса ждем, чиксы реальные, клевая туса намечается.

– Без меня пока потусуйтесь, – сказал я. – Позже подрулю.

– Реально без тебя развод – не развод! Мы тут коньяку твоего любимого литру взяли, все окейно! Когда подрулишь-то?

– Я тебе перезвоню, – сказал я, складывая телефон в карман. – Весь к вашим услугам, мадемуазель.

Нажал на газ, выжал сцепление и въехал прямо в центр золотистого пламени.

Гм. Наиболее продвинутые читатели уже наверняка сообразили, что арка, возникшая посреди подмосковного леса, была не чем иным, как порталом, ведущим из нашего мира в мир другой. Соответственно, они уже представляют, как выглядит переход из одного мира в другой. Свет, тьма, все цвета радуги, боль, блаженство, ощущение, как будто тебя раздирает на куски и снова собирает в одно целое, но только в другом месте, краткое мгновение, длившееся целую вечность... Не хочу никого разочаровывать, я ничего особенного не почувствовал. По бортам машины полыхнуло отблесками огня, когда я проезжал через арку, и вот она уже осталась позади. А оставшись позади, сразу погасла.

Вместе с ней исчезло и Подмосковье, где леса используются в основном для тайных захоронений убитых в несправедном бою членов разных криминальных группировок. Дремучий лес окружал меня, мою прекрасную незнакомку, мой «Гелендваген» и троих парней, стоявших неподалеку и ожидающе смотревших в нашу сторону.

Тут я решил кое-что для себя прояснить. А поскольку процесс прояснения мог оказаться довольно-таки болезненным для противоположной стороны, я решил начать его с парней, оставив незнакомку на случай, если те не смогут сказать ничего путного. В конце концов, она мне слишком нравилась, чтобы задавать ей глупые вопросы типа «что происходит?» и «куда я попал?», сопровождаемые легким потряхиванием и похлопыванием.

Я открыл дверцу и вышел из машины. Изумрудная трава мягко пружинила под моими подошвами. Сколько лет надо стричь лужайку английскому лорду, чтобы добиться такого же результата?

Итак, парней было трое. Один из них более всего напоминал хиппи, потому как был он повышенно волосат в районе черепа, носил мешковидные и давно не стиранные штаны и козлиную бородку, которую модно называть эспаньолкой. Образ хиппи увенчивала висящая на плече гитара и мечтательно-рассеянный взгляд, коим смотрят на мир лишь настоящие поэты и шизофреники в последней стадии своего недуга.

Второй парень был похож на Антонио Бандераса. Но не на того стареющего и потасканного мужика, которым он стал теперь, а на молодого мачо, каким он предстал перед зрителями в «Убийцах», резко контрастируя с пожилым Сталлоне. Он был в черном прикиде и напоминал ходячую экспозицию из музея холодного оружия. Столько металла на одном человеке я не видел даже в Люберцах на рассвете тяжелого рока.

Иными словами, оба этих парня выглядели достаточно колоритно, но третий индивидуум, очевидно возглавляющий этот коллектив, устанавливал новые горизонты колоритности, придавая этому слову свежий оттенок.

Первое, что бросалось в глаза при взгляде на этого человека, была его борода – длинная, местами до белизны седая, местами иссиня-черная, и ее окладистости мог бы позавидовать любой православный священник. Не могу даже представить, сколько надо времени, чтобы вырастить такое чудо.

И лишь при втором взгляде я рассмотрел блестящую, словно наполированную, лысину, ковбойские сапоги с металлическими пряжками и набойками, шотландский клетчатый килт и длинную кривую трубку, из которой вился дымок.

Падать перед пришельцем из другого мира ниц никто из тройки не стал. Что ж, одно очко в их пользу. Их взгляды были оценивающими. И еще в них присутствовало с трудом скрываемое торжество.

– Милостивые государи, – сказал я, присаживаясь на капот своего скакуна, – не слишком ли смело с моей стороны будет ожидать от вас кое-каких объяснений?

– Пророчество сбывается, – сказал лысый бородач. Почему-то меня не удивило, что сказал он это по-русски.

– Не каждому пророчеству такое удастся, – заметил я. – И в чем была суть вашего пророчества?

– И активируют трое кристалл Радагана, и откроются между мирами Врата, и пройдет Вратами лишь Избранный, носитель меча, что положит конец власти Тьмы и закроет Колодец Хаоса... – нараспев сообщил хиппи профессионально поставленным голосом популярного певца.

– Хорошая программа действий для пророчества, – одобрил я. – Конкретная. Но никакого меча у меня нет.

– Меч есть у нас, – сказал бородач. – Покажи знак Избранного.

– Обождете покамест. – Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, о каком именно знаке идет речь. Моя татуировка стала чересчур популярной в последнее время, не начать ли мне брать деньги за просмотр? Но история с властью Тьмы, Колодцем Хаоса и всякими мечами мне не очень понравилась. У мечей есть одна не слишком приятная особенность.

Ими и зарубить могут. – И вообще, поскольку все мы здесь, надеюсь, цивилизованные люди, было бы неплохо познакомиться.

– Все верно, досточтимый рыцарь, – сказал «Бандерас», делая шаг вперед и отвечивая мне поклон. – Я – сэр Реджи...

В этом месте я решил пропустить пару тысяч слов, которыми сэр Реджи перечислял все свои титулы, звания, должности, вассальные обязанности и прочее, прочее, прочее. Я лишь успел уяснить, что он виконт Такой-то, граф Такой-то, отец своих крестьян, судья своих подданных, лучший клинок Третьего Королевства, прямой вассал Не-Помню-Как-Его-Там короля и кто-то еще в том же духе. Пока он говорил, я успел выкурить сигарету.

Когда он закончил, я затушил окурок о хромированный бампер своего джипа и бросил его в траву. Судя по тому, что вопля справедливого негодования после этого поступка не последовало, к Гринпису троица никакого отношения не имела. Еще одно очко в их пользу.

Хиппи представился как бард Гармон. Судя по его заявлению, он был весьма популярным исполнителем песен собственного сочинения, известным далеко не в одном из Двенадцати Королевств. Тот факт, что я не слышал ни одного его произведения, его несколько удивил и расстроил. Пришлось напомнить, что я только что прошел Вратами между мирами и так далее. Тогда он немного повеселел и пробренчал что-то на гитаре.

Бородач в шотландской юбке коротко буркнул, что он Морган. После велеречивых излишней его спутников это было истинным облегчением. Я тоже назвал себя. Как ни странно и ни обидно для меня, девушка к нашему разговору не присоединилась. Она так и осталась сидеть в машине. Видно, слишком устала с дороги или еще что-нибудь в этом роде.

– Ладно, – сказал я после того, как мы обменялись осторожными рукопожатиями. – Теперь я хотел бы выяснить еще кое-какие подробности. Это другой мир?

– Это тот самый мир, – сказал Морган. – Из другого мира пришел ты.

– Это зависит от точки зрения, а она может быть переменной, – заметил я. – И зачем, позвольте спросить, вы меня позвали?

– Чтобы случилось предначертанное, – сказал Гармон.

– И что именно было предначертано? – спросил я.

Это было ошибкой. Я имею в виду, ошибкой был не сам вопрос. Вопрос был насущной необходимостью. Ошибкой было задавать этот вопрос барду.

В ответ он запел.

Это была длинная песня. Не знаю, может быть, Гармон и величайший музыкант своего мира, на меня он особого впечатления не произвел. Я поклонник несколько другой музыки, и его баллада не затронула сокровенных струн моей души. Да и на гитаре он играл не очень. До Чака Берри или Лопе де Гарсия ему было далеко.

Другое дело – текст. Он был предельно информативным и очень познавательным, чего нельзя сказать о девяносто девяти и девяти десятых процента песен из нашего мира. Никаких юбочек из плюша или кримплена, никаких разбросанных по снегу белых роз или яблоч, никаких завываний о маме, родном доме и вольной воле. Одни только голые факты. Такой подход к песне мне понравился.

В целом история оказалась довольно-таки банальной. Если за свою сознательную жизнь вы имели неосторожность прочитать хотя бы одну книгу, написанную в жанре фэнтези, а я прочитал их довольно много, она бы вряд ли вас удивила.

Жили-были на одном континенте Двенадцать Королевств. Жили они в мире и согласии, грызлись исключительно между собой и только по экономическим мотивам. Однако золотому веку междоусобиц пришел конец, когда в мир, а случилось это около пятисот или около того лет назад, пришел Темный Властелин. Он построил крепость в отдаленных горах и начал творить свои пакости, собирая ключи к Колодцу Хаоса. Местная эсхатология предполагала, что если – или когда – Колодец будет открыт, мирозданию настанет полный кирдык, потому

что в местную реальность вывалится куча Первозданного Хаоса, из которого эта самая реальность когда-то была создана, и все сущее завершит свое существование. Апокалипсис сегодня, иными словами.

Соответственно, у Темного Властелина была целая куча пособников из всякой нечисти, которая досаждала пограничным королевствам. Кроме того, за последние пятьдесят лет Империя Тьмы начала расширяться и полностью аннексировала Второе и Четвертое Королевства.

И для того чтобы не допустить продолжения всяческих безобразий со стороны Темного Властелина, маги должны были призвать героя из другого мира, который должен был решить судьбу мира этого. Видать, свои герои у них перевелись или для этого дела не годились. Избранный, отмеченный особым знаком, должен был завладеть каким-то там магическим мечом и именно им отрубить Темному Властелину голову и прочие интимные части тела. Типа, ничем другим это сделать решительно невозможно.

Изложение этих нехитрых фактов в балладе заняло около полутора часов.

Бард закончил песню и убежал облегчиться в кусты.

Я закурил сигарету. Морган попыхивал своей трубкой.

– И кто из вас, милостивые государи, маг? – спросил я.

Морган молча поклонился. В принципе, методом исключения я и сам пришел к такому выводу, но все же хотелось убедиться. Конечно, я мало встречал магов в реальной жизни, но этот субъект не слишком соответствовал сложившемуся у меня стереотипу. Я имею в виду – где остроконечная шляпа, бесформенный балахон и магический посох? Где добрый взгляд бесконечно мудрых глаз? Если бы Морган прошелся по Москве, минут через пятнадцать его забрали бы в милицию, как духовного лидера ваххабитов.

– Значит, меня вызвали вы?

– Именно.

– Понятно, – сказал я. – И вы можете отправить меня обратно? Я чисто ради информации спрашиваю.

– Это не в моих силах, Избранный, – сказал он.

– Почему же? – спросил я. – И, кстати, не зовите меня Избранным. Я имею в виду, раз для этого дела подрядили именно вас, значит, вы один из самых могущественных магов этого мира. Если я ошибаюсь, можете меня поправить.

– Ты не ошибаешься, – сказал он. – Я действительно один из самых могущественных, но и у моих возможностей есть предел. Только боги могут открывать Врата между мирами.

– Но вы же уже один раз открыли.

– Я использовал кристалл Радагана, – объяснил он.

– А-а, – сказал я.

– Кристалл Радагана называется так, потому что его сотворил сам Радаган. Радаган был богом.

– Логично, – сказал я.

– Это произошло задолго до появления в мире Темного Властелина, потому что Радаган был провидцем.

– Для бога это не так уж и сложно.

– Кристалл Радагана открывает Врата только один раз, и лишь Избранный может пройти этими Вратами. Более того, как и все могущественные артефакты, кристалл Радагана можно использовать лишь однажды.

– Как презерватив, – пробормотал я. – Но постойте, мне показалось или вы на самом деле сказали, что только Избранный может пройти Вратами?

– Только Избранный, – подтвердил Морган.

– А как же девушка? – спросил я.

– Какая девушка?

– Которая привезла меня сюда. Она вон там... – Я обернулся.

– С нами не было никакой девушки.

– Послушайте, я же не слепой и даже не шизофреник, и, если я видел девушку, значит, девушка была.

– Если ты видел какую-то девушку, это была часть магии кристалла, – сказал Морган. – Потому что мы никакую девушку за тобой не посылали.

В машине никого не было. Не веря своим глазам, я открыл пассажирскую дверцу и тупо уставился на пустое сиденье. Развели на телке, как обычного лоха! Вот это подстава!

– Значит, – медленно сказал я, соображая, – это был билет в один конец? И для меня нет никакого способа вернуться обратно?

– Есть только один способ, – сказал Морган. – Сразиться с Темным Властелином и победить. Тогда ты сможешь уйти.

Вернулся Гармон и сел на траву.

– А если я – не Избранный? – спросил я. – Если вы ошиблись и позвали не того?

– Только Избранный может пройти Вратами. Случайный путник был бы сожжен на месте.

– Но откуда вы можете это знать? – спросил я. – Ведь до меня никто Вратами не проходил.

– Мы проводили эксперимент, – сказал Морган. – И подопытный был испепелен.

– И кто же это был?

– Кролик.

– Кролик?

– Маленький пушистый зверек из семейства грызунов. У него еще уши длинные.

– Я знаю, что такое кролик, – сказал я. – В моем мире они тоже водятся. Но вряд ли случай испепеления кролика что-то доказывает.

– Нас тут было трое, – сказал сэр Реджи. – Никто не выразил желания так глупо жертвовать собой, а крестьяне мимо не проходили.

Его тон не оставлял сомнений, что, если бы под руку подвернулась парочка-другая крестьян, он не замедлил бы швырнуть их в открывшийся портал эксперимента ради.

– Их счастье, – пробормотал я. – И какова дальнейшая программа наших действий? Раз уж я здесь, и вы здесь, и все такое.

– Мы должны отправляться в путь, – сказал Морган. – Дальнейшее пребывание на этом месте может стать опасным. Возмущение магического поля при открытии Врат было достаточно сильным, чтобы Темный Властелин его почувствовал. Конечно, мы не на его землях и он не сможет послать сюда целую армию, но лазутчики и диверсанты у него есть везде.

– И путешествие наше будет долгим и полным приключений и опасностей? – уточнил я.

– Похоже на то, – сказал сэр Реджи. – По крайней мере, я очень на это надеюсь. Руки чешутся в ожидании хорошей драки.

– Не разделяю ваших надежд, – сказал я.

– Предопределенное свершится, – туманно высказался Морган. – В путь.

Правда, перед тем, как мы тронулись с места, пришлось-таки показывать им знак Избранного.

Лошадей у них не было, так что оказалось очень удачно, что я въехал в этот мир на машине. Не знаю, действовали ли у них тут другие законы физики или химии, но бензин по-прежнему оставался в горячем состоянии и двигатель бодро зарычал после первого же оборота стартера, подтверждая непреложное для русского человека утверждение, что «мерседес», он и в другом мире «мерседес».

Нисколько не ломаясь, и не заставляя себя упрашивать, и даже не выказывая ни малейших признаков благоговейного ужаса перед невиданным доселе средством передвижения, они забрались в машину, и мы отправились в путь. Морган с Гармоном сели сзади, маг не выпускал изо рта своей дымящейся трубки, так что пришлось сразу же включить кондиционер. Сэр

Реджи вольготно расположился рядом со мной, указывая дорогу. Странно, но обилие колюще-режуще-рубяще-калечащего оружия нисколько не мешало ему путешествовать с комфортом. Наверное, с такой способностью надо родиться.

Я закурил сигарету и задумался. Подумать было над чем.

Первым тревожащим меня фактом была та легкость, с которой я направил машину в проход между мирами. Способ бежать из своего мира в другой обычно ищут только неврастеники и романтически настроенные неудачники, к коим я себя никаким образом причислить не могу. Я довольно молод, достаточно красив, в меру крут, сообразителен, удачлив и богат. Мои друзья конкретные пацаны, девушки меня любят, по крайней мере, не чуждаются моего общества, так какого рожна обеспеченному и довольному жизнью человеку очертя голову бросаться в какие-то возникающие на лесных дорожках порталы? И, если уж на то пошло, зачем я вообще поперся в тот лес?

Основным источником информации, помимо троих спутников, которые вряд ли были в состоянии ответить на мои вопросы, являлись только слышанные в детстве сказки и прочитанные в юности книги, но толку от них было совсем немного. Пусть «Хроники Амбера» три года были моей настольной книгой, но проблемы Корвина и его сына-колдуна никоим образом не касались моей ситуации. В конце концов, мой папа не был главной шишкой в этой половине Вселенной, не повелевал силами Порядка и не подсовывал мне для совокупления своих внучатых племянниц.

Томас Ковенант был Неверящим и Повелителем Белого Золота. Учитывая тот факт, что последний титул он получил благодаря купленному на какой-то распродаже кольцу... Да если бы все цацки, принесенные из нашего мира, в других мирах обладали магической силой, моих «понтов» хватило бы на усмирение целого батальона лордов Фоулов. Еще у Ковенанта была проказа. В происходящее он не верил до самого последнего момента. А может, и тогда не поверил.

О Свароге, русском аналоге Ковенанта, я знал только понаслышке. Но он был десантником, поэтому ничего разумного от его модели поведения ожидать не приходилось. Если он и в реальной жизни крушил кирпичи собственной головой, в мире магии у него бы точно съехала крыша.

Фродо Девятипалый с Гендальфом Серым были местными жителями и из мира в мир не путешествовали, у Скива был хороший учитель, а янки при дворе короля Артура слишком увлекался прогрессорством.

Чародей с гитарой был обкурившимся студентом и всю дорогу думал, что его глючит.

Героев было много, и все они были разными. Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – пророк Его.

Но всех героев этих сказок для взрослых объединяло одно – никто из них не хотел быть героем, поначалу всех мучили сомнения, и никого особо не колбасило от идеи спасти мир. Потом на них нападали плохие ребята, и мир приходилось спасать в порядке самозащиты.

Но я-то не герой книги, и вряд ли кто-то может гарантировать мне хеппи-энд.

То, что я прошел какими-то Вратами, испепелившими кролика, и имел армейскую татуировку, которой у испепеленного кролика не было, еще не доказывало, что я являюсь Избранным. Однако так считали мои спутники, а поскольку больше никого в этом мире я пока не знал, разубеждать их в данный момент было бы не слишком благо разумно.

Морган сказал, что не может отправить меня обратно, но Морган мог и солгать. В конце концов, ему нужен Избранный, чтобы потягаться силами с Темным Властелином, и не в его интересах сообщать этому Избранному о наличии другой дороги домой, нежели та, что лежит через битву с Мировым Злом. С другой стороны, не слишком-то меня домой и тянуло, и вкупе с первым тревожным фактом это было странно и чуть ли не пугающе.

Но я примерно представлял, почему оно так.

Вряд ли я попал под воздействие каких-то чар, хотя полностью исключить эту возможность нельзя. Но я не чувствовал давления на меня какой-то чужой воли ни сейчас, ни в момент перехода. Никаких изменений в мышлении, никакой несвободы воли не наблюдалось. Хотя, конечно, может быть, зачарованные и не должны чувствовать, что они зачарованы, но у меня были в этом сильные сомнения. Слабый пол тут тоже ни при чем. Девушка-призрак, вызванная волшебством Радагана, конечно, без всяких споров, была очень привлекательной, но мне давно уже не четырнадцать лет, переходный возраст благополучно пережит и похоронен под более яркими воспоминаниями молодости, и я перестал думать лишь тем, что находится у меня между ног. Я знал слишком многих женщин, чтобы это сработало.

Был, правда, еще один не слишком приятный вариант. Он гласил, что я сейчас не сижу за рулем своего «Гелендвагена» и не направляюсь с бардом, воином и магом на поиски магического меча, но являюсь пассажиром белой машины с синими мигалками и санитары везут меня в Кашенко. Однако, положив руку на интимные части своего тела, я в это не верил. Я служил в армии, водил машину и получал разрешение на хранение огнестрельного оружия, так что обследовался в психиатрических клиниках достаточно часто, чтобы не знать о собственных психических отклонениях, буде они имели место. Вся жизнь я отличался рациональным мышлением и взвешенными решениями, поэтому факт существования другого мира не стал для меня культурным и эмоциональным шоком. Если он есть, глупо сомневаться в его существовании.

Жизнь в Москве была скучной. Многие бы сказали, с жиру он, мол, бесится. Пусть попробует прокормить жену, двоих детей и больную тещу на зарплату инженера, и посмотрим, будет ли ему скучно тогда. Согласен, на какой-то стадии существование на планете может быть и веселым, но мне как-то не повезло.

С крушением светлой коммунистической мечты я что-то потерял. Крушение это произошло, когда я пребывал еще в блаженном детском неведении относительно методов построения светлого будущего всего человечества, и не скажу, что сегодняшний я хотел бы жить при том коммунизме, который мог бы быть построен в нашей стране.

Но мне очень нравилась теоретическая модель коммунизма, которую нарисовали братья Стругацкие и с которой я ознакомился уже во времена перестройки. Мне и самому хотелось бы жить в мире, где все без исключения занимаются любимым, интересным и крайне полезным для всего человечества делом, где понедельник начинается в субботу, а лучший отдых – это перемена работы. Сменившая эту утопию мечта капитализма была более приземленной и свела смысл человеческого существования от познания Вселенной к зарабатыванию маленьких зеленых бумажек. Кому-то и этого смысла хватает до конца жизни, но я, заработав некоторое число этих самых бумажек, быстро потерял к ним всякий интерес. Они делали жизнь легкой и приятной, иногда сложной и опасной, но никак не могли наполнить ее смыслом.

Я жил в нашем мире и, играя по его правилам, выиграл довольно много. Выигрывать еще больше мне не хотелось. Есть люди, которых увлекает сам процесс накопления капитала, для которых первый миллион и первый миллиард – лишь вехи на пути, и дорога эта бесконечна, ибо всех денег в мире не заработать.

Когда мне было двенадцать лет, я жил в коммуналке и ездил на велосипеде. Перед моим уходом в армию сосед подарил мне свой ушастый «запорожец», и я стал гордым автовладельцем. Во времена срочной службы я ездил на «бэтэере» и жил в казарме. Занявшись бизнесом, я купил себе однокомнатную квартиру и покатался на бесчисленном количестве подержанных машин, среди которых были и плоды отечественного автопрома, и иномарки. Сейчас я покрываю асфальтированные пространства посредством новенького «мерседеса», а в гараже у меня стоит спортивная «пятерка» от БМВ. У меня три квартиры в городе и приятная дача за его пределами. Комфортность моей жизни была достигнута уже на уровне однокомнатной квартиры и пятилетней «ауди-80», с тех пор принципиальных качественных изменений в ней

не наблюдалось. Я могу поднапрячься и пересесть с «мерина» на «ламборджини-диавло» или «роллс-ройс», загибая пальцы на манер Кольца Всевластья, но разумом понимая, что это всего лишь понты и все дальнейшие изменения будут носить лишь косметический характер. Мне больше нечего было делать в своем мире.

А в другом мире у меня мог быть шанс сделать что-то, чего я не мог сделать на Земле. Я мог стать кем-то другим, а не просто своим в доску парнем, с которым легко и приятно и можно пошутить на тему пожарной безопасности.

Вряд ли все эти соображения могли прийти мне в голову, когда я проезжал через пылающую арку Врат. Скорее, тут уж подсознание подсуетилось и сделало выбор за все остальное.

Так что теперь придется изображать из себя спасителя мира и сражаться с Темным Властелином, а это вам не бензин ослиной мочой разбавлять.

Хотя, быть может, все эти Темные Властелины – лишь происки вражеской пропаганды. Не стоит ввязываться в чей-то давно текущий конфликт, не обладая полным объемом информации, – это одно из моих личных правил выживания, а поскольку мой информационный багаж не намного отличался от абсолютного нуля, я решил узнать об этом мире как можно больше.

Тут я заметил, что сэр Реджи болтает со мной, причем, судя по его оживленному виду, это занятие доставляет ему ни с чем не сравнимое удовольствие, которое не может омрачить даже тот факт, что я его не слушал.

– ...Ну так и вот, – говорил он. – После того как я победил на трех дуэлях подряд в течение одного дня, рогатые мужья стали думать гораздо дольше, прежде чем бросать мне в лицо свои перчатки. Однако на мне еще висели те долговые расписки, а сидеть в долговой яме – едва ли самое достойное занятие для потомственного дворянина, и тут очень вовремя подворачивается этот небольшой крестовый походик, и я говорю себе: сэр Реджи, а почему бы и нет? Моргану нужен был вояка, который способен преподать Избранному пару уроков фехтования, если тот окажется не при делах, или станет его спарринг-партнером на время путешествия, если он будет мастером меча. Так вот я и хочу выяснить, сэр Геныч: хорошо ли вы фехтуете?

– Вообще никак. – Я решил говорить правду, чтобы потом от меня не ждали каких-то чудес. Если нам придется драться на мечах, пусть уж сэр Реджи рассчитывает только на себя. – В моем мире фехтование не является основным видом боевого искусства.

– Странный у вас мир, – сказал сэр Реджи. – Если двое мужчин не могут уладить возникшую между ними проблему при помощи меча, как же вы тогда разрешаете спорные вопросы?

– По-разному, – сказал я, не вдаваясь в подробности.

– Суд? – презрительно фыркнул бретер.

Презрение к цивиличным у дворянина в крови?

– Иногда и через суд, – сказал я. – Но чаще, если у человека моего круга возникают проблемы, он решает их при помощи разборки.

– И как это работает?

– Это что-то типа дуэли, – сказал я. – Все начинается с взаимных претензий, плавно перетекает в стадию оскорблений, а заканчивается трупам.

– Значит, наши миры не так уж и отличаются, – сказал сэр Реджи. – А кем ты был в своем мире? Извини, я не знаю твоего титула, поэтому обращаюсь с тобой, как с равным, но если ты более знатен, чем я, то я готов принести свои извинения и...

Очевидно, мысль, что у Избранного, прошедшего Вратами и так далее, может вообще не быть титула, не могла зародиться в голове потомственного дворянина. Наверное, в его мире крестьяне и прочие нижние сословия Избранными быть просто не имеют права. С другой стороны, признаваться в своем безродстве тоже смысла не имело, потому что никоим образом не могло положительно сказаться на ситуации, а отрицательно – могло. Назовись я графом или бароном, сэр Реджи тут же примется расспрашивать меня о замках, гербах, флагах и девизах,

а с геральдикой я не в ладах. Поэтому, немного подумав, я обозвал себя потомственным дистрибьютором, а за эмблему взял трехконечную звезду в серебряном круге, что было логично, поскольку именно эта эмблема красовалась на моей карете. Сэр Реджи принял объяснение.

Ехать по лесу было совсем не трудно, расстояния между исполинскими деревьями позволили бы развернуться не только моему джипу, но и шестидесятичетырехколесному вездеходу с баллистической межконтинентальной ракетой. Вскоре мы выехали на небольшую проселочную дорогу и повернули направо. Тот факт, что основным транспортным средством, используемым на тракте, была крестьянская телега и колея была разбита именно под нее, никоим образом не мог сказаться на способности моей машины здесь проехать. Разве что нас немного трясло.

То ли от этой тряски, то ли потому, что ритуал открытия прохода между мирами был утомительным, но Морган заснул, и вскоре салон машины огласился его богатырским храпом. Гармон с задумчивым видом смотрел в окно. Насколько я понял из болтовни сэра Реджи, его присутствие, я имею в виду барда, носило в предприятии чисто познавательный характер. Он не был ни магом, ни хорошим бойцом, ни великим знатоком Темного Властелина и его прихвостней, его основной задачей было воспеть наш предполагаемый будущий подвиг во множестве баллад и не дать всяческим злопыхателям извратить изложение событий. Учитывая любовь рассказчиков приукрашивать факты при каждом следующем пересказе, это был довольно-таки логичный ход.

Еще через пятнадцать минут разговора выяснилось, что титулы и земли принадлежат сэру Реджи лишь в теории, поскольку его владения находились в одном из аннексированных Империей Тьмы королевств и были захвачены врагом еще при жизни прадедушки сэра Реджи. На жизнь до рискованного предприятия Моргана он зарабатывал на турнирах и в качестве наемного солдата.

- А чем ты занимался в своем мире? – спросил он.
- Бизнесом в основном.
- А что это – бизнес?
- Это такой вид войны, – сказал я. – Тесно переплетенный с коммерцией.
- То есть ты тоже дрался за деньги, как и я?
- Грубо говоря, да.

Мне не слишком нравилась манера сэра Реджи говорить мне «ты», хотя рассудком я понимал, что он таким образом выказывает мне свое уважение, признавая ровней. Я даже начал подумывать, не преподнести ли ему мой обычный выверт по поводу брудершафта, на который мы с ним не выпивали, однако делать этого не стал. Дворяне, насколько мне известно, народ довольно сволочной и вспыльчивый, а дуэли в этом мире в порядке вещей. И кто знает, что способно перевесить на его личных, находящихся в голове весах – спасение мира, в котором он живет, или задетая фамильная гордость.

– Хороших скакунов выводят в вашем мире, – сказал он, поглаживая сиденье. – Ими движет магия?

– Ими движет технология, – сказал я. – Наука.

– Наука! – фыркнул он. – Это та же самая магия, только сложнее. Если маг во время эксперимента разносит соседнюю деревню на клочки, он в отличие от алхимика хотя бы может точно объяснить, почему это произошло.

Не было смысла объяснять индивидууму, что алхимия – это не совсем та наука, которую я имел в виду. Тем более что отчасти сэр Реджи был прав. Или вы хотите сказать, что наши земные яйцеголовые всегда способны предсказать результаты своих трудов? Вспомните Альфреда Нобеля и динамит.

– Расскажи мне о вашем мире, – попросил сэр Реджи.

– Лучше ты мне о своем, – предложил я. – Этот рассказ будет иметь большую практическую ценность.

– Тут нечего особо рассказывать. – Он пожал плечами. – Короли, вассалы, маги, демоны... Все как всегда. Крестьяне волнуются.

– А что случилось с этой областью? – спросил я. Мы ехали по тракту вот уже полчаса и до сих пор никого не встретили. – Эпидемия чумы?

– Хуже, – сказал сэр Реджи. – Король Фридрих Третий объявил рекрутский набор.

– Темный Властелин или местные дрязги?

– Скорее, местные. Мы в Десятом Королевстве, отсюда слишком далеко до границ Империи. Зато я слышал, младший братец спит и видит, как бы стать узурпатором.

– Семейные проблемы. – Я вздохнул.

– У меня не было семьи, – сказал сэр Реджи, – в том смысле, в котором это понимают другие. Мои родители были убиты, когда мне не было и года. Меня воспитывал мой дядя. Он был лучшим клинком страны, между прочим.

Я подумал, что в мире, где разрешены дуэли и правят обычаи Средневековья, заслужить этот титул совсем не просто. Наверное, еще труднее его удержать.

– Дядя возглавил разведывательную экспедицию на территорию Империи, – продолжал сэр Реджи. – В его задачи входило дойти до Ущелья Рока и вернуться обратно, нарисовать карту местности и расположение гарнизонов. То ли в его отряде был предатель, то ли ему просто не повезло... Все погибли. Так что для меня в нашем предприятии есть что-то личное, потому как Властелин задолжал мне пару неприятных минут. Он имел неосторожность прислать королю Ричарду отрезанные головы разведчиков, тот передал голову дяди мне, как последнему из рода, а я даже не смог похоронить его в фамильном склепе. Потому что фамильный склеп разрушен.

– Какой он, этот Властелин?

– Кто знает, – сказал сэр Реджи. – Я никогда не заходил в глубь Империи, а он никогда не покидал своей Цитадели, По слухам, его вообще никто никогда не видел, кроме Черных Лордов.

– Черные Лорды? – спросил я. – Что за Черные Лорды?

– Их шестеро, – сказал сэр Реджи. – Ближайшие помощники Властелина, они преданы ему телом и душой, если у них есть душа. Говорят, все они были великими воинами и пали в далеком прошлом, их оживило заклятие. Они командуют его армиями.

– Опасные типы?

– Хорошие бойцы. Бэрд, принц крови из Второго Королевства, отважный и могучий воин, бросил вызов Черному Лорду Балдеру. Они бились на мечах три часа, а потом Балдер рассек его одним ударом от плеча и до пояса. Хороший удар. Но их сила не в этом.

Не было особой необходимости спрашивать, в чем же заключалась их сила. Сила в правде, как говорил Данила Багров, называя этнических афроамериканцев нигтерами и валя безоружных людей направо и налево. Сэр Реджи словоохотлив. Он и сам все расскажет.

– Они – не люди. – Сэр Реджи не разочаровал моих ожиданий. – Я не имею в виду, что они нежить, как говорят многие, но они уже перестали быть людьми. Вряд ли кто-то сможет назвать меня хорошим человеком, но по сравнению с ними я... Они творят истинное зло и живут во зле. Они убивают всех – мужчин, женщин, стариков, детей, даже грудных младенцев. Я – солдат, что бы обо мне ни говорили. Солдаты воюют с солдатами, но Черные Лорды воюют со всеми.

Типичный случай мании убийства, подумал я. Всяческие Темные Властелины, Повелители Боли, Князья Страха и Короли Хаоса обожают окружать себя подобными маньяками. Наверное, душа отдыхает в их компании. Или просто имидж обязывает.

Навстречу нам проскакал всадник на белом скакуне. Его одежда была пыльной, да и он был достаточно пыльным, видно, не первый день провел в дороге. Он одарил удивленным

взглядом наш экипаж, но останавливаться и глазеть, а тем более лезть с вопросами не стал. В Средневековье любопытные долго не живут.

А мне было интересно все. Особенно, что, наверное, не является слишком уж удивительным фактом, мне была интересна история меча, которым мне предстояло владеть. Это в лучшем случае. А в худшем – разить им всяческую нечисть.

Сэр Реджи оказался подкованным и в этом вопросе, что совсем не странно. Как дворянин он был повернут на благородном оружии, а как спутник Моргана, не самого слабого волшебника в здешних краях и основного зачинщика этого похода, должен был выслушать эту историю хотя бы один раз.

Меч имел имя. Вообще все магические артефакты, от которых зависят судьбы мира, обзаводятся собственными именами, а в случае с мечами это особенно актуально. У Корвина была Грейсвандир, у Элрика Мелнибонийского – Повелитель Бурь, и даже полоумный отморозок Бранд орудовал Вэрвиндлом, а Искатель, для которого было написано уже восемь правил, размахивал мечом Истины. Только уважаемый А. Белянин не удосужился придумать имя для меча своего героя, так и назвал книгу «Меч без имени». Большой минус. Там, где авторы поизворотливее обошлись бы одним словом, ему приходилось использовать целых три.

Кстати, один мой знакомый фанатик древнего оружия, который по совместительству являлся главным ликвидатором Андрюшиной бригады, просветил меня, что в Средние века все мечи назывались женскими именами и, говоря о них, правильнее использовать местоимения женского рода. То есть мечи, которым имена не давались, были самцами, а те, которым посчастливилось обзавестись именем собственным, оказывались женщинами. Что ж, в этом есть своя логика, особенно если ты – странствующий рыцарь. Вспомните хотя бы опус главного певца еврейского казачества: «Только сабля казаку во степи жена». Если уж отождествлять меч с человеком, то пусть это будет женщина, не так ли? В конце концов, именно с мечами истинный воин проводил больше всего времени, и именно с ними он умирал.

Потенциально предназначенный для меня, а также для любого другого, кто осмелился бы возомнить себя Избранным, меч тоже был женщиной. Ее звали Валькирия. Не слишком оригинальное имя, правда? Я выбрал бы Галю или Наташу.

История ее происхождения была, как и положено, загадочна и окутана тайной. Глупо ведь пытаться убить Темного Властелина мечом, который выковали гномы с соседнего рудника. Меч для киллера Темного Властелина должен быть древним, необычным и кровожадным. Если уж и пытаться выковать такой меч в этом мире, то делать это должны какие-нибудь эльфы при участии могущественных колдунов и под чутким руководством местного божества не самого мелкого калибра, с соответствующими жертвоприношениями и окроплениями его лезвия слезами несовершеннолетних девственниц. Лучше заниматься ковкой в жерле действующего вулкана – и помешать никто не может, и антураж соответствующий. Правда, к моему мечу все вышесказанное не относится.

Валькирию в этом мире не ковали.

Откуда она взялась, тоже никто точно не знал. Она свалилась в мир Двенадцати Королевств так же неожиданно, как и Темный Властелин, и примерно в то же время, что ясно указывало на их связь (а как же иначе?).

Вот рассказ сэра Реджи в моем вольном изложении. В одно прекрасное – или не очень прекрасное, суть дела не в этом – утро главному стручку на грядке местного религиозного ордена воинствующих фанатиков было дано видение. Кстати хочу заметить, что большинство видений, полученных членами этого ордена, было ниспослано им по утрам, в чем прослеживается определенная логика, ибо служителям сего культа не запрещены обильные возлияния спиртного. Тело с утра занято своими проблемами, так что подсознание может заняться и другими делами навреде получения указаний свыше. Главный стручок с большого бодуна собрал вокруг себя баклажанов рангом пониже и отправил их на поиски того, что ему привиделось.

Доказательством того, что это все-таки было истинное видение, а не похмельный бред, служит тот факт, что поиски длились недолго.

Через три дня монахи вернулись и принесли с собой ножны. Ножны они нашли в лесу неподалеку от монастыря. Соответственно, привидевшиеся во сне пустые ножны, найденные в лесу, не могут быть обычными ножнами, и монахи решили, что это ножны от магического меча. На ножнах была нарисована карта, на которой крестиком отмечено какое-то труднодоступное и крайне удаленное место. Не знаю, сколько пядей было во лбу у главного стручка, но он вполне логично рассудил, что в этом месте находится меч, сим ножнам соответствующий.

Была снаряжена экспедиция, а сам главный стручок и его старшие теологи занялись расшифровкой пророчества, найденного на поистине универсальном футляре для хранения ножи-ков.

Магические артефакты имеют одну отличительную особенность – их всегда очень трудно добыть. Соответственно, монахи терпели лишения, мучения, отсутствие женского общества и прочие трудности долгого пути по слабо цивилизованным местностям, но дошли до цели и заполучили меч в свои потные и трясущиеся от всяких пророчеств ручонки, ибо им помогала вера. Потому что только вера может убедить группу взрослых половозрелых мужчин, что торчащие из громадного булыжника два сантиметра стали с завитушками являются частью эфеса зачарованного меча, необходимого для спасения мира.

Поскольку прибора под кодовым названием «кувалдометр» у монахов под рукой не оказалось, им пришлось тащить в монастырь булыжник целиком, что не сделало обратную дорогу менее долгой, опасной, лишенной трудностей и наполненной женщинами.

В это же время теологи главного стручка закончили возиться с расшифровкой пророчества и получили его полноценный текст. В частности, там были такие слова: «Избранный лишь пронзит мною Владыки Темного сердце», – из чего можно было сделать вывод, что рассказ велся от лица самого меча. Тут подоспели монахи с булыжником, после чего булыжник был вкопан в саду камней внутри монастыря, сталь замаскировали глиняной нашлепкой, а пророчество постарались засекретить, ибо Темные Властелины тоже далеко не дураки и постараются заполучить оружие своей гибели любой ценой. Монахов выручило то, что орден их был не только религиозным, но и воинствующим, и монастырь, по словам сэра Реджи, мог дать фору любой крепости, а силы Империи еще не столь велики, чтобы задействовать целую армию так далеко от собственных границ.

Опять же по словам сэра Реджи, Морган объяснял совпадение во времени появления Темного Властелина и Валькирии игрой рока. Дескать, если в мире появилось страшное зло, одновременно с ним должен появиться способ от этого зла избавиться. Не слишком логичное заявление, но кто такой сэр Реджи, чтобы спорить с самим Морганом? Морган был самым старым типом из всех известных сэру Реджи людей и обладал устрашающей репутацией. Один из самых могущественных волшебников вообще и главный специалист магического ордена по вопросам боевого применения своих навыков, он успел поучаствовать не в одной заварушке и слыл истребителем орков, драконов, вампиров и прочей нечисти, так что, когда встал вопрос о том, кто должен возглавить крестовый поход против Темного Властелина, на самом деле никаких вопросов и не было.

Бард прибил к нему сам, даже до сэра Реджи. Видимо, Морган действительно был ушлым типом и понимал значение общественного мнения и роль средств массовой информации в его формировании, потому как против участия в походе барда не возражал. Непонятно только, как бард мог узнать о столь секретной миссии, но, наверное, у бардов есть свое лобби в магическом ордене.

Дорога вывела нас из леса в весьма живописную местность. По сторонам были возделанные поля, на которых росло что-то вроде пшеницы или ржи, я, знаете ли, не слишком похож на агронома, чтобы сказать точно. Стало гораздо многолюднее, нам начали попадаться путники,

уныло ковыляющие по своим делам, где-то вдалеке были видны работающие крестьяне, движение тоже стало более оживленным, пришлось обогнать пару повозок, груженных различными товарами, и одну карету с официальными флагами государства, намалеванными на дверцах. Наш экипаж вызывал немалое удивление не столько своим видом, сколько отсутствием лошадей и небывалой для этих мест скоростью передвижения. Скоро путники стали встречаться все чаще, и пришлось сбавить скорость, ибо возникла возможность стать массовым убийцей. Джип поднимал за собой шлейф пыли, в котором могли заплутать и задохнуться до ста пятидесяти человек с телегами или без.

В небольшой деревеньке, расположенной вдоль дороги, скорость пришлось сбросить до скорости пешехода, ибо немногочисленные группы людей, не видя на странном экипаже герба своего короля, и не думали уступать ему дорогу. Сэр Реджи высовывался из окна и орал благим матом, однако мало кто одаривал его своим вниманием. Крестьяне – народ инертный, а арсенала сэра Реджи снаружи им было не разглядеть. С трудом не допустив членовредительства, я вывел машину на дорогу, прибавил скорость, и тут же мне махнули с обочины полосатой, как зебра, палочкой. Я принял вправо и остановился.

Я думаю, что, если человек проводит за рулем хотя бы пару часов в день на протяжении нескольких лет, у него вырабатываются особые условные рефлексы. Если вы видите перед собой подростка на папином «БМВ», молодого человека на убитой «копейке», пенсионера на новеньких «жигулях» или девушку на любой марке автомобиля, вы моментально сбрасываете газ и стараетесь объехать опасную машину по наиболее длинной траектории. Если вам надо перестроиться, вы сначала крутите руль и вклиниваетесь в чужой ряд, а уж потом для проформы разок-другой мигаєте «поворотником». Если же встречный автомобиль поморгал вам дальним светом, вы смотрите на спидометр и обнаруживаете, что в два раза превысили допустимый предел скорости. А если вам машут полосатой палочкой, вы останавливаетесь.

Я остановился, похоронив палкомахателя в густом облаке пыли, и только потом задумался о том, как схожи наши миры. Оказывается, здесь тоже есть гаишники, пусть даже тут совсем нет машин.

Но я не догадывался о том, насколько схожи наши миры, пока сэр Реджи не развязал свой поясной кошелек и не высыпал мне в руку несколько монет. Монеты были маленькими, но тяжелыми, с одной стороны на них был изображен испускающий пламя дракон, с другой был профиль какого-то незнакомого мне парня и цифра «один». Желтый металл тускло отсвечивал. Похоже, что это было золото.

– Больше двух монет не давай, – сказал сэр Реджи. – Если уж совсем не припрет.

– Кто это? – спросил я, хотя уже догадывался кто.

– Доишник, – сказал сэр Реджи. – Он служит в ГИБДД.

– ГИБДД? – несколько удивленно спросил я. Думаю, вы можете понять мое удивление.

– Государева Инквизиция Бдительности на Дорогах и Дорожках, – пояснил сэр Реджи. –

Еще один способ пополнить казну для ведения войны. Их называют доишниками, потому что они доят путешественников. Уверен, это изобретение нашего мира.

Я не стал разочаровывать сэра Реджи, уверенного в уникальности своего мира, тем более что инквизитор с полосатой палкой уже выбрался из облака оседающей пыли и нетерпеливо постукивал своим инструментом о ладонь левой руки.

Кроме палки, другого сходства с братьями по ГИБДД из нашего мира у этого парня не было. Никакого светоотражающего жилета, никакого кепи, никаких знаков отличия. Обычные штаны и камзол, как у каждого второго попадавшегося нам по дороге путника. Отличительным символом власти доишника был жезл.

Интересно, какие тут правила движения и сколько из них я уже успел нарушить по незнанию, кое, как известно, от уплаты штрафа не освобождает? Я вышел из машины, по привычке доставая водительские права.

– В чем дело, командир? – поинтересовался я самым дружелюбным из имеющихся в арсенале тоном. Я использую его только в случаях общения с представителями правопорядка и полными идиотами.

– Это что? – спросил доишник, ткнув жезлом в сторону машины.

Как ни странно, особого удивления на его лице не было. Возможно, живя в мире магии, он насмотрелся и на более диковинные средства передвижения.

– Это... э-э-э... телега, – сказал я. Заминка объяснялась тем фактом, что обозвать мой любимый агрегат «телегой» язык не поворачивался.

– Понятно, – сказал доишник. – А где у этой «э-э-э телеги» «э-э-э лошадь»?

Бабушка учила меня всегда говорить правду, и я изредка прислушиваюсь к этому совету, но только для того, чтобы в очередной раз убедиться, как мало добродушные старушки понимают в устройстве этого мира.

– Внутри, – сказал я.

– Понятно, – сказал доишник. – Где внутри?

– Там. – Я показал на капот.

– Могу я посмотреть?

– Конечно, – сказал я.

Как вы понимаете, с открытым капотом «Гелендвагена» вы видите ровно столько же двигателя, сколько и с закрытым, ибо под крышкой капота находится скрывающая силовой агрегат плита, вскрыть которую могут только квалифицированные сервисмены, обладающие соответствующим оборудованием. Именно ее и увидел доишник.

– И там помещается целая лошадь? – спросил он.

– Даже не одна, – сказал я.

– Не одна? – удивился он. – А сколько?

– Триста двадцать, – сказал я.

– Триста двадцать? – переспросил он, закатывая глаза и производя в уме какие-то подсчеты. Я явственно слышал, как скрипят несмазанные шестеренки мозга в его черепной коробке. – Это же целый табун.

– Похоже на то.

– А вы знаете, что перегон табунов лошадей по дорогам общественного пользования без соответствующего разрешения местного отделения ГИБДД строго воспрещен?

– Но здесь же нет ни одной лошади, – возразил я.

– Здесь, как вы сами заявили, триста двадцать лошадей, пусть магическим образом уменьшенных и помещенных в этот ящик, – сказал доишник. – Но в законе нигде не сказано о том, какие это лошади, заколдованные или нет. Я вижу факт нарушения закона.

– А вот ты его уже не видишь, – сказал я, выкладывая на капот золотой.

– Вижу, – сказал доишник уже не столь уверенно.

– Не видишь. – Я прибавил к первому золотому второй.

– Вижу, – сказал доишник. – Но уже не так ясно, как раньше.

– А теперь? – спросил я, поднимая ставку до трех золотых.

– А кто у вас внутри? – спросил доишник, убирая золотые в карман.

– Друзья, – сказал я.

Как ни назови человека, стоящего на дороге с полосатой палкой в руках – инспектором, инквизитором или кем еще, – суть его никогда не изменится, и прозвище, данное этим людям в мире Двенадцати Королевств, подходило им всем.

– Счастливого пути вам и вашим друзьям, – сказал доишник, отворачиваясь и крутя жезл на пальце.

– Хорошей службы, – пожелал я.

– Ты переплатил, – сказал сэр Реджи, когда фигура инквизитора скрылась за поворотом.

– Прости мне мою неопытность, – сказал я. – Я возьму тебе расходы, как только у меня появится такая возможность.

Лицо сэра Реджи побагровело, но он удержал себя в руках. Как я узнал позже, нет худшего оскорбления для чести дворянина, чем заведенный с ним разговор о деньгах.

– Забудь об этом, – сказал сэр Реджи. – Дело не в том, что мне жаль золотых драконов, что ты ему заплатил. Просто каждый мздоимец должен знать размер мзды, которую он может взять, и никогда не должен его превышать, иначе все в этой стране полетит к чертям. Никогда не давай дошникам больше двух монет.

– Не буду, – пообещал я.

Но сэр Реджи уже забыл о происшествии и погрузился в очередной рассказ о днях своей бурной молодости, которая все никак не могла закончиться.

Глава третья, в которой герой встречает людей, живущих по понятиям, вытаскивает меч из камня и участвует в небольшой стычке

Монастырь, в котором хранилась Валькирия, показался поздно вечером, но въехали мы в него глубокой ночью, потому что показался он очень издалека. Так можно видеть на горизонте горы и целый день ехать в их направлении, а под вечер наблюдать на том же горизонте тот же самый далекий пейзаж. Не подумайте, что я хочу сказать, будто стены монастыря были высокими, как горы, потому что такое сравнение было бы неточным, ибо горы бывают разными. Просто представьте перед своим мысленным взором Великую Китайскую стену, отпилите от нее фрагмент в несколько километров и закрутите этот фрагмент в кольцо, поместив в середину несколько индийских пагод и японских додзе.

Именно так и выглядел монастырь, к которому мы приближались для того, чтобы предначертанное начало исполняться.

Маг и волшебник, идейный вдохновитель и главный крестоносец нашего похода бессовестно продрых всю дорогу на заднем сиденье, не обеспечивая никакой магической поддержки или волшебного прикрытия. Это было хорошим знаком. Если главный знаток военной магии не содержит себя в состоянии повышенной боеготовности, это говорит о том, что в ближайшем времени нам ничего не угрожает. Или что он манкирует своими служебными обязанностями.

Но сэр Реджи и бард были достаточно спокойны, и я тоже решил расслабиться. По дороге Гармон исполнил еще одну свою очень длинную песню, в которой говорилось о трагической любви, по сравнению с которой история Ромео и Джульетты казалась легким флиртом людей дошкольного возраста, повстречавшихся в одной песочнице и не поделивших формочки. Сэр Реджи же оказался настоящим кладезем информации и поведал мне много того, о чем я хотел бы знать. Правда, были в его рассказах вещи, о которых я бы знать не хотел ни под каким соусом, но из песни слов не выкинешь и топором не вырубешь.

Весьма познавательной была история монастыря. Строился он как крепость для отражения атак орд кочевников, ведущих варварский образ жизни и частенько тревоживших набегами здешние места порядка пары тысяч лет назад. Однако, как и во все времена и во всех мирах, строительство несколько подзатянулось, и, когда замок был готов к эксплуатации, от кочевников благодаря воинственному пылу тогдашнего короля не осталось и следа. Тем не менее строение было возведено, и, чтобы не ударить перед соседями лицом в грязь по поводу собственной недалекости, его надо было как-то использовать. Следующий правитель Десятого Королевства был далеко не дурак и не профан в экономических вопросах, а здание находилось далеко от столицы и не представляло для королевской фамилии никакого интереса, так что он просто взял да и сдал его в аренду.

Первые арендаторы, секта Братьев Дракона, занимали крепость около трех веков, и, когда истек срок аренды, штурмующие крепость армии недобрыми словами помянули строителей этого произведения архитектурного искусства. Арендаторы оказались людьми несговорчивыми и с высоты стен, а она, как я уже упомянул, была неслабой, поливали солдат кипящим маслом и горячей смолой. Их предводитель даже попытался призвать на поле боя настоящего живого дракона, но то ли у него не хватило магического порошка, то ли пентаграмму начертили не тем сортом мела, ничего у него не получилось, и королевские войска заняли крепость, устроив утро братьевдраконовской казни. Сути конфликта сэр Реджи не помнил. То ли Братья

якшались с Темными Силами и заигрывали со слугами Хаоса, то ли просто вовремя не заплатили очередной взнос.

После них замок менял владельцев достаточно часто. Компания Убежденных Сестер-Девственниц сошла на нет естественным образом из-за прекратившегося притока новообращенных и возросшего оттока старообращенных. Потом старый и могущественный маг устроил там свою резиденцию, но вскоре был бит молодым и не менее могущественным магом, который резиденции устраивать не стал. Несколько веков после этого замок занимали незначительные местные герцоги, графы, бароны и богатые купцы, потом он стоял пустым и заброшенным, а потом в нем обосновался Орден Святых Понятий, который пребывает там и по сей день.

Орден был старым, могущественным, богатым и весьма престижным заведением, в ряды которого входили лучшие представители рода человеческого. Он был создан после откровения, явленного его основателю, и был призван защищать Добро, противостоять Злу, сохранять Порядок, противодействовать Хаосу, а также соблюдать права и свободы каждого гражданина плюс всякая тому подобная чушь, которая обычно заявляется в уставе любого ордена, члены которого далеко не дураки подражаться. Как ни странно, вера в Бога Единого, или в целый пантеон других богов, или в какое-то мелкое божество в отдельности не являлась основным критерием, которым руководствовались братья, строя свое сообщество.

Основателем Ордена Святых Понятий Паханом Первым были найдены какие-то древние тексты, содержащие что-то типа ветхозаветных заповедей, которые назывались понятиями. Именно по этим понятиям и жили братья.

Вблизи монастырь оказался еще массивнее, чем издалека. Поблизости не было ни одного дерева, так что высоту стен приходилось оценивать на глазок, но могу вас заверить, что невысокими они могли показаться только глазку орла. Монастырь был окружен колосющимися пшеницей полями и отборными пастбищами, на которых паслись тучные коровы. Тут мне пришлось поверить сэру Реджи на слово, потому что ни коров, ни пшеницы, ни самих крестьян в темноте увидеть не удалось. Но сэр Реджи говорил, что местные крестьянские хозяйства процветают, потому как монахи далеко не дураки пожрать, податей требуют небольших, и горе тому разбойнику, который вздумает порезвиться на территории, контролируемой орденом. Вам это ничего не напоминает? Лично мне это напоминает родной российский рэкет в самом лучшем его проявлении.

Ворота были закрыты, что в ночное время является естественным состоянием для всех ворот, охраняющих въезды в более-менее приличные места. В свете фар моей машины ворота смотрелись деревянными, обитыми металлическими полосками, массивными, тяжелыми и достигали в высоту приблизительно двадцати метров. Чуть выше в стене были пробиты бойницы, освещаемые мерцающим светом факелов. Очевидно, именно из них на голову осаждающих и должно литься кипящее масло.

Стоило нам остановиться, как на заднем сиденье сразу же проснулся Морган. Он довольно-таки бодро для подрыхшего весь день человека выскочил из машины и принялся долбить в ворота утяжеленными железом носками своих ковбойских сапог. Примерно после шестнадцатого удара в воротах приоткрылась калитка, и я впервые увидел члена Ордена Святых Понятий.

Не знаю даже, как вам описать это зрелище. Я вообще не любитель всяких-разных описаний, поэтому, читая мое произведение, вам частенько придется подключать воображение, а я буду вам помогать по мере своих скромных возможностей.

Возьмите индийского монаха, исповедующего дзен-буддизм,² японского сумотори³ и конкретного любителя спорта⁴ из подмосковных Люберец.⁵ Скрестите их между собой, а также

² Мне лично дзен-буддизм симпатичен. Это довольно-таки приятная религия, и приятна она в основном тем фактом, что во имя ее толпы верующих не устраивали никаких крестовых походов, джихадов, священных войн и прочих других безобразий

скрещивайте их потомков на протяжении нескольких поколений, пока не добьетесь того впечатляющего результата, что стоял сейчас перед нами.

В нем было больше двух метров роста, и все присутствующие, кроме меня, смотрели на него снизу вверх. В нем было больше ста пятидесяти килограммов живого веса, и, скажу я вам, такого выдающегося живота я в своей жизни еще не видел. Еще у него была шафрановая мантия, короткая стрижка, три перстня на руке, державшей факел, и громоподобный голос, которым он поинтересовался:

– Кому не спится в ночь глухую?

Я подумал, что это пароль, но Морган меня разочаровал.

– Мне, – сказал он.

У пароля не может быть такого короткого и банального отзыва.

– А, – сказал монах, поднося факел ближе к нашей компании. – Какие люди, и почти без охраны. Какие дела, мужик?

– Сам знаешь, – сказал Морган.

– Мы ждали тебя со дня на день, – сказал монах. – Ты прибыл реально быстро.

– Пути волшебства неисповедимы, – отвечивал старый пройдоха, умалчивая о предложенном мною средстве передвижения, позволившем ему прибыть реально быстро.

Вот, опять другому досталась вся слава, подумал я.

– Реально так, – сказал монах. – Я – братан Лаврентий, можно просто братан Лавр. Кто это с тобой?

– Это Гармон, – начал представление Морган. – Он трубадур и менестрель, известный мейстерзингер.

– Ты маг, – сказал братан Лавр. – Ты умный. А я не маг. Ты мне на пальцах покажи. Он, типа, лабух, да?

– Типа того, – сказал Морган.

– Прикольно, – сказал братан Лавр. – На этой балалайке лабаешь?

– Угу, – сказал Гармон, прижимая к себе гитару.

– Слабаешь как-нибудь, – сказал братан Лавр. – Я конкретно музыку уважаю. А тебя как зовут? – Его взгляд уперся в меня.

– Меня никак не зовут. – Уж к таким разговорам я был привычен, хотя совсем не ожидал встретить их и в другом мире. Воистину, не знаешь, что является вечным и непреходящим, а что ветрено и мимолетно. – Я сам прихожу.

типа инквизиции или воскресных богослужений.

³ О, борьба сумо! Один из самых древних и самых закрытых видов спорта! На первый непосвященный взгляд она подобна брачным играм слонов и не представляет особого интереса, но, если копнуть поглубже, этот вид спорта для особого типа людей просто завораживает. Казалось бы, чего сложного, – две здоровенные туши стоят друг против друга и пытаются выпихнуть противника за обозначенную границу круга, но сколько тайных страстей, тактических схем и психологических установок содержит эта борьба! Сумотори не просто тяжелые, они еще очень подвижные и ловкие. Доводилось ли вам видеть рекламу компании «Пепси-кола» во время чемпионата мира по футболу в Японии и Южной Корее? Ту самую, в которой сумотори играют в футбол со звездами мировой величины и уделывают самого Дэвида Бекхэма вместе с его лысиной и бородкой? Думаете, для рекламного ролика подобрали каких-то особых акробатов-тяжеловесов? Или это компьютерный монтаж? Ничего подобного, смею вас заверить. Они на самом деле на такое способны. Сам я сумо не занимался. Рост и габариты у меня подходящие, но вот «комоч нервов» пока как-то не на уровне. Все дело в том, что я не очень люблю пиво.

⁴ Вы спросите меня, какого именно спорта? Трудный вопрос. Судя по благосостоянию спортсменов, он весьма высокооплачиваем и более престижен, чем даже теннис. Судя по сопутствующему спортивному инвентарю, это своего рода многоборье, включающее в себя гонки на спортивных машинах, стрельбу из автоматического и полуавтоматического оружия, а иногда даже из гранатометов, фехтование на опасных лезвиях и охотничьих ножах, рукопашные схватки без правил и много чего еще. Судя по тому, что после каждого этапа соревнования спортсмены обсуждают свои действия на «разборе полетов» в местных отделениях правопорядка, которые являются сборищами экспертов и судей, спорт этот интеллектуален, и в нем важны не только сила, ловкость и реакция, но также тактика и стратегия. А судя по тому, что средняя продолжительность жизни спортсменов невелика, спорт этот крайне опасен и вреден для здоровья.

⁵ Это были сноски? Неужели? Простите великодушно.

– Реальный мужик, – одобрил братан Лавр, протягивая мне руку для пожатия. – Лавр.
– Геньч, – сказал я, пожимая протянутую конечность.

Я достаточно хорошо изучил обобщенный тип таких здоровяков, так что знал, чего можно ожидать от него во время обычного ритуала приветствия. Эти люди полагают, что их рукопожатие должно быть подобно хватке Терминатора, они не отпустят вашу руку из своей, пока не услышат хруста костей и не увидят гримасы боли на вашем лице, они будут доброжелательно вам улыбаться, открыто глядя вам в глаза и стискивая ваши пальцы в переносном подобии гидравлического пресса.

Но я тоже мальчик не совсем слабенький, так что ответил ему взаимностью. К моему удивлению, ощутив реальное противодействие, монах не разжал пальцы, а продолжил терзать мою руку, пока на висках и на лбу у него не выступили капельки пота. Дохлый номер. Мне доводилось пожимать руку самому Карелину, а это вам не мелочь по карманам тырить.

Секунд через сорок противостояния он понял, что слезу из меня не вышибить, и неохотно выпустил мою руку из своей.

– Уважаю, – сказал он.

Я промолчал.

– А это – сэр Реджи, – представил Морган последнего по списку, но не по значению. – Более известный под именами...

– Разящий Клинок Двуречья, – сказал братан Лавр. – Парящий Ястреб Кантарда, Затаившийся Змей, Серебряный Меч Мандигора, Крадущийся Вепрь...

Сэр Реджи молча поклонился.

Я вам скажу, довольно странный он человек. Он производил впечатление заносчивого дворянина, хвастливого болтуна и целый день рассказывал мне небылицы о своих похождениях, но ни словом не обмолвился о происхождении хоть какого-то из перечисленных монахом прозвищ. Если верить тому, что сэр Реджи рассказывал мне весь сегодняшний день, то подавляющее число битв, в которых ему доводилось брать верх, происходили либо в постели, либо сразу после нее, с ревнивым рогоносцем соблазненной особы в качестве противника. Но ни за одну такую схватку, ни даже за тысячу Разящим Клинком и Затаившимся Змеем не назовут. О Ястребе я вообще молчу.

– Я давно хотел с тобой повстречаться, – продолжал братан Лавр. – Меня реально интересует, ты и на самом деле такой конкретный пацан, о котором идет базар, или это понты одни, а?

Зря он позволил себе такой тон в беседе с урожденным дворянином. Дворяне, они народ довольно вспыльчивый и скорый на расправу с любым усомнившимся в их чести и достоинстве, пусть даже это и монах.

Сэр Реджи стоял между мной и Гармоном в довольно расслабленной позе, в паре шагов от брата Лавра и в шаге от меня. Но, несмотря на абсолютную близость к месту события, самого движения я не уловил. Просто вдруг на меня повеяло внезапным порывом ночного ветерка, и тут же воцарилась тишина.

Но сэр Реджи держал в вытянутой правой руке меч, острие которого находилось в сантиметре от шеи несдержанного на язык монаха, и от расслабленности его позы не осталось и следа.

– А ты попробуй моргнуть слишком резко, – холодным тоном посоветовал сэр Реджи монаху. – И сразу узнаешь, понты это или нет.

Я думал, Морган вмешается, но он не стал. Он просто стоял в стороне, и по лицу его блуждала задумчивая улыбка. Очевидно, он стопроцентно полагался на благоразумие сэра Реджи, которое не позволило бы ему начать резню в монастыре накануне столь важных событий. Раз так, то и я вмешиваться не стал, тем более что здраво оценивал свои шансы удержать от убийства человека, обученного искусству убивать с самого детства.

– Да ладно тебе, – сказал братан Лавр, поднося к оголенной и готовой разить стали руку и двумя пальцами отводя клинок от шеи. – Ты погорячился, я погорячился, но что мы, не пацаны, что ли, не сможем это дело перетереть? Теперь вижу, мужик ты реальный.

– Мужики в деревне сидят, – сообщил сэр Реджи, убирая меч за спину. В отличие от молниеносного выпада делал он это нарочито медленно и не спеша. – Так что попридержи язык.

– Проехали, – сказал братан Лавр и снова обратился к Моргану: – И который из них?

– Он. – Морган указал на меня.

– Реально... – задумчиво потянул братан Лавр, достаивая меня более долгим, чем в первый раз, оценивающим взглядом. – И знак есть?

– Есть, – подтвердил Морган.

– Покажешь?

– Перетопчешься, – сказал я. Ритуал оголения бицепса начал мне уже порядком надо-едасть.

– Как знаешь, – сказал братан Лавр. – У тех троих, что ты приводил раньше, тоже знаки были.

– Тыпустишь нас? – перебил его Морган. Слишком быстро перебил, на мой взгляд. – Или будешь держать у ворот до утра? Мы устали с дороги.

Довольно наглое заявление со стороны человека, который всю дорогу проспал на заднем сиденье одного из самых комфортабельных автомобилей моего мира и уж точно самого комфортабельного автомобиля мира этого, хотя бы ввиду своей уникальности, но монаху оно показалось справедливым, и он провел нас внутрь.

Монастырь, как и положено всякому уважающему себя монастырю, в столь поздний час был темен и пуст, так что ему не удалось поразить меня ни обилием верующих, ни особыми архитектурными изысками. Домики, деревья, кустики и гулкое эхо от наших шагов по мощеным камнями дорожкам.

Помещения, которыми одарили на эту ночь каждого из нас, нельзя было назвать кельями, но и до апартаментов они явно недотягивали. Большая полутораспальная деревянная кровать, стол и пара стульев, выцветший и полинявший ковер на полу, изображающий какую-то местную разборку гобелен на стене и добрый десяток воткнутых в стену факелов – вот и все убранство. На столе стояли графин с жидкостью и два стакана. Судя по цвету, в графине была не вода, или же местная вода имеет странный красноватый оттенок.

Братаны оказались парнями понятливыми и, несмотря на поздний час, принесли путникам поесть. Горячего, конечно, не было, но деревенский сыр, свежий хлеб и копченое мясо оказались весьма приятными на вкус и быстро наполнили желудок.

После трапезы я закурил сигарету, скинул куртку и прилег на кровать. Толщина матраса при первом же прикосновении к нему моего тела отрицала все потенциально возможные мысли о присущем членам ордена аскетизме.

Я чувствовал, что пришла пора пошевелить извилинами и осмыслить создавшееся положение.

Мне кажется, у Марка Твена в каком-то из рассказов была фраза: «У меня потрясающие запасы ума. Чтобы ими раскинуть, требуется около двух недель». Это про меня. Я не хочу сказать, что я тугодум, однако к процессу размышления подхожу долго и обстоятельно. В моем мире для того, чтобы сделать правильные выводы, нужно перелопатить чертовски здоровые кучи фактов.

И только я достал из заглашника свою виртуальную лопату, как в дверь вежливо, но достаточно громко, чтобы разбудить и Спящую красавицу безо всяких поцелуев, постучали.

– Войдите, – сказал я, и на пороге тут же нарисовался сэр Реджи.

Очевидно, с его точки зрения, в монастыре было достаточно безопасно, ибо он распрощался с доброй половиной своих железок. В зубах у него была трубка.

– Я сяду, с твоего позволения, – сказал он и, не дожидаясь испрошенного позволения, опустился на стул.

Но перед этим тщательно запер дверь на оба имевшихся в наличии засова.

– Садись, – сказал я.

– Меня прислал Морган, – сказал он.

Запах его трубки даже с трех метров перебивал аромат моих сигарет, так что я затушил окурок о деревянный пол, да там и оставил. Пепельниц поблизости все равно не наблюдалось.

– Зачем? – спросил я.

– Для инструктажа, – сказал он. – Сам Морган занят беседой с настоятелем монастыря, а запасы вина в подвалах поистине неисчерпаемы, так что разговор у них затянется. Вот он меня и подрядил.

– О чем будешь инструктировать?

– О разном, – сказал сэр Реджи. – Но сначала позволь сделать замечание от себя. Ты не запер дверь.

– Не запер, – согласился я.

– Это крупная ошибка с точки зрения нашего общего выживания, – сказал сэр Реджи. – Правило номер один гласит: всегда запирай дверь и никогда не садись к ней спиной, даже если ты ее запер.

Сам он сидел боком к двери, и незванный гость, внезапно оказавшийся на пороге, сразу бы попал в зону его периферийного зрения. Другим боком он сидел к окну, тяжелые деревянные ставни которого были закрыты.

– Хорошо, – сказал я.

– Я вовсе не хочу тебя поучать, – сказал сэр Реджи. – Но в нашем мире по-настоящему нет ни одного места, где человек вроде меня или тебя может чувствовать себя в полной безопасности. Мой дядя был убит в собственной спальне горничной, которая прослужила у него два десятка лет.

– А он разве не погиб, разведывая вражеские территории?

– Это был другой мой дядя, – сказал сэр Реджи. – Ладно, к делу. Завтра ты вытащишь меч...

– Прости, я тебя перебыю, – сказал я. – Во-первых, еще не факт, что я его вытащу, а во-вторых... Что там говорил привратник по поводу трех других Избранных, которых Морган сюда уже приводил?

– Нас поджигает время, – сказал он, – а эти древние пророчества чертовски запутаны. Подумай сам, легко ли в целом мире найти настоящего Избранного, если о нем известно только то, что на руке у него изображен зверь небес? Что такое зверь небес? Летающих тварей достаточно много, это с равной долей вероятности может быть и дракон, и грифон, и крупный орел, и черт знает что еще. Кроме того, народ об этих древних пророчествах ничего не слышал, и у монастыря отнюдь не выстраивается очередь желающих попробовать вытащить меч из камня и спасти мир. Мы предприняли поиски...

– То есть хватали всех здоровенных мужиков с татуировками на руках и тащили их сюда?

– Можно и так сказать. Но в твоём случае осечки быть не должно, тебя же привел сюда кристалл Радагана.

– Если он был у вас все время, чего же вы его сразу не использовали?

– Мы получили его совсем недавно, – сказал сэр Реджи. – И сумели активировать только сейчас. Это долгая история...

– Которую ты мне когда-нибудь обязательно расскажешь.

– Хорошо, когда-нибудь расскажу, – сказал он. – Так вот, когда ты вытащишь меч, нам сразу же придется отсюда уходить.

– Почему? – спросил я.

– Темный Властелин почувствует, что оружие его погибели обрело своего хозяина. Как ты думаешь, что он предпримет? Что бы ты сам предпринял на его месте? Он попытается тебя убрать.

– А как он почувствует?

– Обретение меча из камня – это магический ритуал, а настоящие волшебники способны чувствовать любое крупное проявление магии.

– Тогда он уже знает, что я здесь.

– Нет, не знает, – сказал сэр Реджи. – Был магический всплеск, сопутствующий открытию Врат между мирами, но это и все. Никто не может знать, кто, где и зачем открыл эти Врата и кто ими воспользовался. Я не хочу сказать, что такое у нас в мире происходит каждый божий день, однако сам факт открытия Врат еще не является прямой угрозой для кого-либо. А вот когда ты обретишь меч, за нашей группой начнется настоящая охота.

Судя по его возбужденному виду, он только и ждал, когда эта охота начнется. А я всегда считал, что великие воины хладнокровны, неторопливы и рассудительны. Все-таки странный он тип, этот сэр Реджи. И странный этот мир. Однако теория моего собственного сумасшествия таяла на глазах. Вряд ли безумие могло быть таким красочным и подробным. И, кроме того, таким логичным и последовательным.

– Твоего скакуна придется бросить здесь, – продолжал сэр Реджи. – Он быстр, как ветер, но привлекает к себе слишком много внимания, чего нам следует избегать. Сюда мы могли добраться с любым шумом, даже прилететь на ковре-самолете, сопровождаемом двумя драконами, но отсюда нам следует уйти как простым путникам, скитающимся по королевству. Меня самого не слишком прельщает данный способ передвижения, но в данной ситуации это будет разумно.

– С этим пунктом программы я склонен согласиться, – сказал я. – Однако меня беспокоит другое.

– Что именно?

– А если я все-таки не Избранный и меч так и останется торчать в камне?

– Забудь об этом, – сказал сэр Реджи. – Радаган не мог ошибиться.

– А если он таки ошибся? Что тогда будет?

– Тогда нам всем крупно не повезло.

– Это понятно. Но что будет лично со мной?

– Полагаю, ничего, – сказал сэр Реджи. – Ты сможешь остаться здесь или поселиться где-нибудь еще, в конечном счете это не будет иметь никакого значения, ибо у нас уже не хватит времени продолжить поиски и всему миру придет конец.

– Мрачная картина, – сказал я. – И не слишком справедливая. Грустно, конечно, когда всему миру приходит конец, но это, в конце концов, ваш мир. При чем же здесь я?

– Все умирают в свой срок, – сказал сэр Реджи. – И если срок твоей смерти настал, нет никакой разницы, где ты находишься в этот момент. Никто не может уйти от своей судьбы.

– Ты фаталист.

– Я – солдат, – ответил он. – Теперь слушай меня. Отбрось все свои сомнения. Завтра ты вытащишь меч из камня и подтвердишь, что ты Избранный, и мысли твои в сегодняшний вечер не будут иметь ровно никакого значения. Зато будут иметь значение мои слова, поэтому слушай меня внимательно. Путь нам предстоит долгий и опасный, поэтому ты должен быть к нему готов. Путь к границам Империи – это не прогулка по цветущему саду. На нас будут нападать слуги Темного Властелина и простые разбойники, и ты должен быть готов убивать.

– Я готов, – сказал я. – Как ты все описываешь, это же чистая самооборона.

– Есть готовность ума, и есть готовность тела, – сказал сэр Реджи. – Я уверен, что ты мог постоять за себя в своем мире, но наш мир куда более жесток. Тебя будут пытаться убить не только люди, соответственно, ты должен знать, чего тебе ждать от того или иного противника. Ты видел мой арсенал?

– Да, и он произвел на меня впечатление.

– Ты думаешь, мне просто нравится таскать на себе груды железа? – спросил он. Я отрицательно мотнул головой, и он продолжил: – Нет, дело в другом. Дело в Искусстве Поединка.

– Искусство Поединка? – переспросил я. Судя по тому, как он произносил эти слова, они должны писаться с заглавной буквы.

– Что такое война? – спросил он. – Война – это наука, это командный вид спорта, где все зависит от тактики, стратегии и взаимодействия разных людей, от правильной информации и верного планирования. То же самое можно сказать и о любой битве, если рассматривать ее с точки зрения генерала. Но что такое битва для простого солдата, в ней участвующего? С его точки зрения, битва – это последовательная череда поединков, и от того, сможет ли он выиграть их все, зависит, выйдет ли он из битвы живым. Я не говорю «победителем», ибо победа не может зависеть от умения одного солдата, но я говорю «живым», а для каждого человека это является самым главным. Для того чтобы помочь каждому солдату выйти из битвы живым, и существует Искусство Поединка. Схватка один на один выявляет все твои достоинства и недостатки, показывает, каков ты на самом деле, обнажает твою сущность. Убить противника легко лишь в теории. В теории ты обнажаешь свое оружие и поражаешь противника в уязвимое место. Уязвимых мест у человека много, но что ты знаешь об уязвимых местах нелюдей?

– И в самом деле что?

– Оборотня можно убить только серебром, – сказал сэр Реджи. – Для этого я ношу его с собой. – Он отстегнул клинок, висевший на правой стороне туловища. – Серебряное лезвие непрактично в схватке с любым другим видом оружия, но против оборотней действует только оно. Оборотни сильны и не обращают внимания на боль. Серебром можно ранить и вампира, но убить вампира наверняка – это отрубить ему голову. При этом абсолютно все равно, будет ли твой клинок серебряным или стальным. Зомби тупы и неповоротливы, но их можно рубить на части, а они все равно будут наступать. Лучше всего действует огонь, но, если ты не можешь его добыть, отруби зомби руки и ноги, тогда он тебя не достанет, хотя стараться и не прекратит. Орки – те же живые существа, пусть кровь у них и не красная, и все то, что действует на людей, подействует и на них.

– А для чего тот твой длинный меч? Слегка изогнутый?

– Для того чтобы отбиваться от толп вооруженных крестьян, – сказал он. – Идеально подходит для того, чтобы рубить деревянные черенки вил и лопат, а также поражать их обладателей с большого расстояния.

– Постой-ка, – сказал я. – Ты ведь у нас, судя по всему, воин Сил Добра и Света и все такое прочее, так с чего бы на тебя нападать вооруженным крестьянам?

– Никогда не знаешь, что придет, им в голову, – сказал сэр Реджи, пожимая плечами. – Быдло.

– Ясно, – сказал я. Типичная позиция человека, имевшего счастье не слышать о Великой Октябрьской революции. – Ты знаешь, что меня удивляет в твоём вооружении? У тебя есть просто огромное количество средств наступательного боя, но я не видел еще ни одного средства защиты.

– О чем ты говоришь?

– Ну, всякие там щиты, кольчуги...

– А, доспехи, – сказал он. – Некоторые действительно ими пользуются, но я не из их числа. Доспехи слишком сковывают движения и замедляют скорость и реакцию. Лучший способ защиты – первым убить того, кто хочет убить тебя.

– Это я где-то уже слышал, не о доспехах, а о способе защиты.

– Истина едина для всех миров, – изрек сэр Реджи. – Но я сейчас говорю о конкретных вещах. Насколько я понимаю сущность магических мечей, он будет с равной силой разить и людей и нежить, поэтому тебе не придется таскать с собой такую кучу оружия, как у меня. Однако ты должен запомнить уязвимые места твоих врагов.

– Я запомнил.

– Я научу тебя основам фехтования, – сказал он. – Но для этого ты должен достать меч. Пока он в камне, никто даже не знает, что он собой представляет.

Я подумал, забавно будет, если я вытащу меч, а он окажется перочинным ножом. Или открывалкой для консервов. Ситуация была – глупее не придумаешь. Я никоим образом не ощущал себя Избранным, от которого зависят судьбы мира, но ощущение дикой ответственности за эти самые судьбы уже начинало меня угнетать.

Сэр Реджи ничем не терзался. Он снова понес какую-то чушь о своих любовных похождениях, попутно отстегивая свои железки и валя их в кучу в углу комнаты. Потом он расстелил на полу свой плащ.

– Дражайший друг, – сказал я, – надеюсь, ты не собираешься здесь спать?

– Но именно это я и собираюсь делать, – ответил он. – Уже поздно, так что надо отдохнуть и восстановить силы.

– Против отдыха не попрешь, – сказал я. – Но почему ты собрался отдыхать и восстанавливать силы здесь?

– Чтобы охранять тебя, – сообщил он. – От тебя много чего зависит, так что непозволительно оставлять тебя одного и подвергать неоправданному риску.

– Я вполне могу сам о себе позаботиться, – сказал я.

– Не можешь. – Он пожал плечами. – Пока не можешь. И давай прекратим этот спор, ибо так приказал Морган, а я не собираюсь наживать себе врага в лице чародея.

– Если так, – сказал я, – то мы можем разделить с тобой постель, она достаточно широкая. Ляжем валетом...

– Я делю постель только с хорошенькими женщинами, – сказал сэр Реджи. – Не волнуйся за меня, я солдат. Я ценю комфорт, но в походе обхожусь без него.

– Тогда спокойной ночи, – сказал я.

Он уже улегся на полу, между мной и дверью, так что, если бы кто-нибудь вошел с намерением перерезать мне глотку, пока я сплю, на третьем шаге обязательно споткнулся бы о спящего Ястреба. И я заметил, что один из мечей он положил на расстоянии вытянутой руки от себя.

Другой мир, другие правила, подумал я, засыпая. Сыграем и в эту игру.

Утро застало меня врасплох.

Лично для меня пробуждение всегда было довольно тонким процессом, своего рода ритуалом, с которым не стоит спешить, потому что, если провести его не по всем правилам, день будет безнадежно испорчен. Но мои новые спутники об этом ритуале никакого представления не имели.

События развивались примерно следующим образом. Около шести утра, с первыми лучами солнца, дверь распахнулась от мощного пинка могущественного волшебника, пришедшего сообщить нам, что солнце встало, день чудесный и все такое прочее, хватит вам дрыхнуть. Мой спавший на полузащитник, не открывая глаз, как я думаю, потянулся за мечом и рубанул низом, явно собираясь лишить вошедшего обеих ног. Хорошая реакция и знание человеческой природы спасли специалиста по магическим штучкам-дрючкам от членовредительства, ибо он успел подпрыгнуть и с грохотом приземлиться на пол, ударившись спиной о косяк. Взвизгнула сталь, и в горло ему уперся длинный и острый клинок Парящего Ястреба Кантарда.

- Полегче на поворотах, – посоветовал ему Морган.
- Тебя в детстве не учили стучаться, маг? – холодно осведомился сэр Реджи, убирая меч от шеи волшебника. – Ты чуть было не стал этим утром мертвым магом.
- Для этого тебе пришлось бы очень постараться, солдат.
- Никто никогда не упрекал меня в недостатке старания.
- Тише вы, горячие эстонские парни, – сказал я, продирая глаза.
- Никто никогда не упрекал меня в дурных манерах, – сказал Морган. – По крайней мере, никто не делал этого дважды.
- Не ищущай меня, маг, – сказал сэр Реджи. – Я очень давно хочу проверить, может ли быть заклинание быстрее стали.
- Я проверял, – произнес Морган. – Может.

Харе Кришна, пробормотал я про себя. И эта компания самовлюбленных и вспыльчивых, как порох в безлунную ночь, героев собирается спасти мир! Кто бы спас их друг от друга! Ну с сэром Реджи-то все понятно, он дворянин, и подобное поведение у него должно быть в крови, однако, на мой взгляд, маг мог бы вести себя более мудро.

Обменявшись еще парочкой любезностей, они все-таки пришли к полному взаимопониманию и даже принесли друг другу очень сдержанные извинения. Братаны притащили кувшины с водой и медный таз, так что мы привели себя в порядок, откушали что в понятиях прописано в апартаментах Моргана, которые были обставлены побогаче остальных ввиду личного знакомства мага с настоятелем монастыря, и отправились в сад камней. Вытаскивать меч.

Честно говоря, я ожидал, что событие будет обставлено с куда большей помпой. Посудите сами, ну не каждый же день в затерянный в глуши монастырь заявляется избранный герой, чтобы вытащить из камня меч, необходимый этому герою для спасения мира. Не каждый. А если не каждый, то где фанфары, обнаженные танцовщицы, боевые слоны и премудрые эльфы? Где консорциум могущественных пресветлейших длиннородых волшебников, где парочка-другая местных царьков и толпа обворожительных принцесс?

Четыре ха-ха. Очевидно, факт вытаскивания меча из камня не является в этой местности чем-то из ряда вон выходящим, потому как даже местные монахи не соизволили удостоить нас своим присутствием. Имели место только Морган с курительной трубкой и верховным паханом⁶ монастыря, сэр Реджи со своим неизменным арсеналом, Гармон, считающий своим долгом не пропустить эпохальное событие, братан Лавр в сопровождении еще троих послушников и ваш покорный слуга.

Сад камней на меня особого впечатления не произвел. Не самый яркий поклонник культуры Востока, я уже успел насмотреться на различной формы и размера булыжники в поместьях некоторых моих друзей, ибо в последнее время в России вошел в моду подобный стиль украшения приусадебных участков.

Сад камней, сад камней...

Как вы понимаете, основная фишка данного дизайнерского изыска заключается в том, что, откуда бы вы на это скопление булыганов ни любовались, камней всегда видно на один меньше, чем там положено, что, правда, с моей точки зрения, не совсем логично. Честно говоря, я вообще не могу понять японцев с их культурой, и единственный аспект их жизни, который я могу постичь своим гигантским умом, это их претензии на Курильские острова. Однако, ввиду вышеуказанного требования, устроить сад камней не так уж просто, это вам не вагоны разгружать. Существуют специальные люди – назвать их садовниками у меня язык не поворачивается, – которые обучаются этому искусству долгие годы, проводят работу на местности, а потом рассчитывают положение камней на бумаге, и эти люди получают за свою работу, как я подозреваю, бешеные бабки. Хотя, опять же на мой взгляд, соблюсти это пра-

⁶ Титул не обсуждался, но по логике вещей, если они – братаны, то кем быть их главнокомандующему? Папой римским?

вило можно гораздо более простым и доступным любому желающему способом – надо просто положить в сад на один камень меньше, чем там заявлено, и кто сможет это проверить? Вертолетная съемка?

Сад камней братанов был неправильным, хотя это и не их вина. Дело в том, что булыжник, содержащий внутри Валькирию, если она вообще имела место, был настолько громадным, что спрятать его возможно было бы только за средних размеров холмом, которого тут не наблюдалось, и просматривался он с любой точки наблюдения, затмевая собой отнюдь не одного каменного собрата. Издержки производства, как видимо.

Из книг мне было известно, что главный герой мог доказать свою избранность и уникальность путем вытаскивания своего магического меча из какого-нибудь труднодоступного и крайне неудобного для вытаскивания места. Король Артур добыл свой ножик, когда он (ножик, не король) вольготно купался в близлежащем озерке, а наш родной русский меч-кладенец защищают то гигантские пауки-мутанты, умеющие разговаривать по-человечески, то Кощей Бессмертный, то Баба-яга, а то и сам Змей Горыныч. И когда герой таки достает столь вождь-ленный предмет и предъявляет его народу в качестве доказательства своего героизма, народ приходит в восторг и ликует. Странно. На мой взгляд, большего уважения заслуживает не тот, кто достал меч из камня, а тот, кто умудрился его туда запихнуть. В конце концов, для того, чтобы его достать, нужна простая кувалда, а вот нарастить вокруг стали громадный валун – это надо постараться.

Братан Лавр держал в руках пустые ножны. Не являясь обладателем ай-кью в двести единиц, я все равно догадался, что эти ножны предназначены для Валькирии, и их торжественно вручат мне, если... Сами знаете, если что.

– Вот камень, – сказал пахан. – Типа, тyani.

Меня поразило его безразличие к судьбам мира, но потом я вспомнил, что являюсь далеко не первым соискателем и никто до меня успеха не добился, так что и мои шансы братаны расценивали невысоко.

Из камня торчало около двух сантиметров эфеса. Не то чтобы потянуть, прилично ухватиться не за что. И пока я примерялся, как бы получше взяться за выполнение первой сказочной миссии, вмешался сэр Реджи.

– Стой, – сказал он. – Не торопись.

Я вопросительно посмотрел на него. Остальные тоже.

– Прежде чем он это сделает, я хотел бы прояснить один вопрос, касающийся тактики, – сказал сэр Реджи. – Скажите, ворота вашего монастыря всегда открыты в дневное время?

– Конечно, – сказал братан Лавр. – Законы гостеприимства, типа, и все такое. Любой путник может найти кров и пищу в стенах нашей обители, это реально.

– А нельзя ли их прикрыть на время? – спросил сэр Реджи. – Скажем, пока мы отсюда не уйдем? А потом гостеприимствуйте на здоровье.

– Исключено, – отрезал пахан. – Гнилой это базар. Ворота конкретно открыты днем и заперты ночью. Это по понятиям так.

– И все же, – сказал сэр Реджи, – я настоятельно рекомендую их закрыть.

– Ты, типа, хочешь оскорбить устои нашего братства? – вежливо спросил братан Лавр. – Обидеть нас хочешь? Не за пацанов выставить?

– И в мыслях не было оскорблять чьи-то устои, – сказал сэр Реджи. – Речь идет всего лишь об элементарных соображениях безопасности.

– Никто не потерял нюх настолько, чтобы напасть на нас в наших стенах.

– Могу заключить пари, – сказал сэр Реджи, – что желающие найдутся.

– Империя далеко, – сказал Морган, до сих пор в разговор не вмешивавшийся.

– Империя далеко, – согласился сэр Реджи. – Но Темный Властелин наверняка захочет получить меч, чтобы обезопасить себя. Империя далеко, поэтому его слугам неудобно будет

тащить в Цитадель этот булыжник. С другой стороны, без булыжника меч не так уж много весит и его легко замаскировать.

– Они бы не успели накопить достаточное количество войск за столь короткий срок.

– Зачем копить? – спросил сэр Реджи. – Они вполне могут держать здесь некоторое количество своих бойцов в состоянии боевой готовности. Нужен только сигнал. Монастырь открыт для посетителей с их жалобами и просьбами, и получить необходимую информацию не так уж сложно.

– Мы бы знали о таком количестве солдат, обретающихся в наших окрестностях, – сказал братан Лавр. – Наша разведка...

– Разведка! – фыркнул сэр Реджи, чем вызвал еще большее неудовольствие и так уже не слишком довольных братанов. – Не говорите мне о разведке.

– А знаете, – задумчиво сказал Морган, – возможно, он и прав.

– Прав не прав, какая, понт, разница? – спросил пахан. – Ты приходишь к нам в пятый раз, и в пятый раз я слышу этот разговор, но еще ни разу на нас никто не напал.

– Никто еще не вытаскивал меч, – сказал сэр Реджи. – С тактической точки зрения, лучший момент для нападения последует сразу за тем, как меч будет вытасчен. Меня мучают какие-то предчувствия.

– Это потому, что душа твоя беспокойна, – сказал братан Лавр. – Поштудируй понятия, и все пройдет.

– Так я и сделаю, – сказал сэр Реджи. – Но когда вас убьют, не сетуйте в своем реальном раю, что я вас, типа, не предупредил.

Все-таки хорошо, что в руках у брата Лавра были только ножны, иначе сэру Реджи могло бы не поздоровиться.

О предчувствиях. Я верю в здоровую интуицию, к тому же если она подкреплена здоровыми логическими выводами и опирается на богатый опыт в той области, относительно которой приходят эти самые предчувствия. Со стороны сэра Реджи выглядел параноиком, но существует древняя мудрость, из которой следует, что, даже если вы параноик, это еще не означает, что у вас нет врагов. А еще я слышал, что параноики живут дольше.

В своем мире я сам – параноик, но здесь и сейчас никакие мрачные предчувствия меня не терзали. Возможно, я еще не до конца поверил в реальность происходящего, считая его сном или наркотическим бредом, возможно, еще просто не проникся жизнью и опасностями этого мира.

Но если что-то беспокоило сэра Реджи, то и мне следовало почаще оглядываться.

Морган потербил бороду.

– Как бы там ни было, – сказал он, – надо приступать.

Сэр Реджи скрестил руки на груди. Братаны замерли в ожидании. Гармон глядел во все глаза, стараясь не упустить ни единой мелочи.

Я протянул руку и дотронулся до меча.

Почти дотронулся.

– А молитва? – спросил Морган.

– Молитва? – Пахан шумно вздохнул. – А на кой она нам нужна? На моей памяти сюда приходило уже больше десяти человек, кого-то приводил ты, кто-то приходил сам, и каждый раз мы молились, но никакого эффекта это не принесло. К чему слова? Если он – Избранный, хотя по этому поводу я не испытываю даже вялого энтузиазма, он справится и без молитвы, если же нет, она ему тем более не поможет. Пусть пробует, и покончим с этим.

Это было не самое вдохновляющее напутствие из тех, что я слышал, но иногда приходится довольствоваться и малым.

Я протянул руку к мечу, посмотрел на присутствующих – на предмет не хочет ли еще кто из них что-нибудь вспомнить. Никто не захотел.

Тогда я ухватил торчащие два сантиметра эфеса тремя пальцами, и...

То, что произошло дальше, можно объяснить только с помощью магии, потому что теория локального землетрясения в отдельно взятом валуне не выдерживает никакой критики с точки зрения сейсмологии.

Едва я дотронулся до меча, как камень задрожал крупной дрожью, словно вышедший из тепла на лютый мороз не слишком пьяный человек, металл под моими пальцами завибрировал и стал теплым, примерно температуры моего тела, потом была вспышка света, и огромный валун раскололся на две примерно одинаковые части, едва не задавившие монахов и моих спутников. К счастью, все они обладали хорошей реакцией и успели отпрыгнуть.

От неожиданности я выпустил эфес из рук, но меч не упал. Странное дело, он остался висеть в воздухе в том положении, в каком пребывал до того, как валун решил сыграть роль яичка, из которого вылутился на свет столь причудливый цыпленок.

– Свершилось! – торжественно произнес Морган. – Возьми его в руки!

– Опа, – сказал братан Лавр. – Гляди-ка, реальный Избранный нарисовался.

– Больше почтения! – рявкнул Морган.

Я взял меч правой рукой и поднес его к лицу, чтобы повнимательнее рассмотреть.

Меч больше не источал тепло и не вспыхивал. Валькирия оказалась красивым оружием. Она была, что называется, длинным двуручным мечом, то есть она была бы им, если бы им владел кто-нибудь габаритов сэра Реджи, мне же она пришлась как раз по руке. Это и неплохо. Даже самая здоровенная железяка из арсенала Парящего Ястреба выглядела рядом со мной перочинным ножиком, а спасать мир с помощью консервного ключа мне не улыбалось.

Валькирия оказалась такой, какой надо. Не знаю, что за мастера участвовали в ее создании, но поработали они на славу. Эфес изображал летящего дракона, чьи крылья образовывали гарду, а хвост перетекал в лезвие, пасть дракона была разверзнута, из нее полыхало золотое пламя. Обоюдоострое лезвие, как и положено, было испещрено древними письменами или рунами, я в этом не очень-то разбираюсь. Однако, несмотря на внешнюю элегантность, было видно, что это не парадное, а боевое оружие, предназначенное не для того, чтобы красоваться на боку какого-нибудь герцога, но чтобы калечить и убивать. В ней не было ничего лишнего, все строго функционально.

– Хороший меч, – высказал свое мнение сэр Реджи.

– Ты чувствуешь течение силы? – поинтересовался Морган.

– Нет, учитель Йода, – сказал я. – В моей крови нет метаклодиана.

Морган нахмурился.

Пахан смотрел на меня с мудрой улыбкой, Гармон чуть ли не с благоговением. Братан Лавр протянул мне ножны, я принял их левой рукой и уже вознамерился использовать по прямому назначению, которого они столь долго дожидались, попеременно служа то картой, то предметом культа, как вдруг...

– Вы совершаете ошибку! – громыхнул чей-то голос.

Все обернулись в поисках его обладателя.

Обладатель оказался человеком, не заметить которого гораздо труднее, чем заметить. Он был почти с меня ростом, голубоглазый блондин с фигурой Конана-Варвара. На нем были кожаные штаны, тяжелые ботинки, подозрительно смахивающие на армейские, торс обнажен. На боку висел внушительных размеров меч.

Как все проморгали его появление? Нельзя слишком увлекаться зрелищем, даже если от него и захватывает дух. Я-то был занят, но остальные могли быть осмотрительнее.

– Что ты имеешь в виду, незнакомец? – поинтересовался Морган.

– Аз есмь Элрик из Доркла, – представился гигант. – Аз есмь Избранный. Узрите знак!

И он продемонстрировал свой бицепс. Если я не ошибаюсь, а я могу и ошибаться, ибо никогда не был слишком силен ни в геральдике, ни в мифологии, там был изображен грифон. Тоже летучая тварь.

Морган знак узрел. Сэр Реджи тоже. И монахи.

– Везет нам, типа, сегодня на Избранных, – заметил братан Лавр. – То неделями никого, а тут сразу двое в один день.

– Мой меч! – Гигант требовательно протянул руку.

Рука сэра Реджи соскользнула с груди и легла на рукоятку меча. Не надо так протягивать руки в его присутствии, а то можно и недосчитаться пары верхних конечностей.

– Элрик из Доркла, – задумчиво сказал Морган. – Я слышал это имя... Ты, должно быть, славный воин. Скажи мне, находясь в такой близости от зачарованного меча, чувствуешь ли ты течение силы?

– Да, – сказал Элрик.

– Отдай ему меч, – велел Морган.

Вот так запросто и отдай.

Странная все-таки тварь – человек, скажу я вам. Еще десять минут назад меня никоим образом не вставляла мысль набиваться в спасители чужого мира посредством убиения всяческих Темных Властелинов при помощи магических мечей, но тут, передавая Валькирию новоявленному герою, я почувствовал укол ревности и какой-то детской обиды. Как легко мои спутники променяли меня на какого-то полуголого культуриста! Что и говорить, он был из этого мира, и с ним наверняка было легче договориться.

Морган шел по пути наименьшего сопротивления, но я не могу его за это осуждать. Судьба его мира была на кону.

Элрик взял в руки меч и сделал пару пробных взмахов, едва не покалечив стоявшего поблизости брата Лавра. Я протянул Элрику ножны, примиряясь со своей новой незаметной ролью.

Элрик был похож на героя. Он был высок, могуч, красив, наверняка смел, и он был блондином. Если вы читали фэнтези или смотрели его в голливудском переложении, то сразу бы признали в Элрике героя. Люди с такой внешностью, с волевыми ямочками на щеках и квадратным подбородком, с великолепной гривой белых волос просто рождены для того, чтобы быть спасителями мира.

– Подними меч над головой, – сказал Морган.

Странно, мне он такого не говорил.

– Аз есмь Избранный! – крикнул Элрик, поднимая Валькирию над головой и потрясая ею.

Если бы это зрелище видел Темный Властелин, оно наверняка пробудило бы у него желание забраться под кровать и ожидать решения своей участи там.

Валькирия выскользнула из руки Элрика, но, презирая все законы гравитации, полетела не вниз, а вверх. Совершив на высоте четырех метров акробатический кульбит, который вряд ли дался бы рядовому мечу, она перевернулась и ринулась вниз, с поразительной избирательностью пробив горло удивленно задравшего голову Элрика. Сделала она это с легкостью и, продолжая падать, ушла в землю на глубину половины длины лезвия.

Сэр Реджи убрал руку с меча, лицо его не выражало ни капли изумления.

– Люди Доркла не носят кожи, – сказал он. – И скрывают свои тела под рубахами.

– Такое случится с любым, кто не по праву возьмет в руки магический меч! – провозгласил Морган. – Валькирия получила свою первую кровь! Возьми ее и вложи в ножны.

Последняя фраза адресовалась мне, так что делать нечего – пришлось вытаскивать ее из земли, уворачиваясь от бившего из сонной артерии лже-Элрика из Доркла фонтана крови, и убирать в ножны.

И как вы думаете, закончились на этом сюрпризы сегодняшнего утра? Конечно нет.

Не успел я обменяться крепкими рукопожатиями с паханом, братаном Лавром и остальными монахами, как со стороны ворот донесся подозрительный шум. Точнее, подозрительный свист, подозрительный лязг и не менее подозрительный хрип.

Позднее я научился распознавать эти звуки. Это были свист спускаемой арбалетной тетивы, лязг мечей и предсмертный хрип людей, которые не успели от всего этого увернуться.

Показался какой-то братан, он плелся к нам странной, ковыляющей походкой и что-то булькал на ходу. Разобрать, что он хотел сказать, оказалось возможным, только когда он приблизился к нам почти вплотную.

– На нас напали, – прохрипел он и рухнул на землю, пуская ртом кровавые пузыри.

Из его спины торчала короткая арбалетная стрела. Кажется, их называют бельтами. Или болтами, что для меня более привычно, поэтому отныне я буду именовать их так.

– Здесь? Это невозможно, – пробормотал пахан, хотя прямое доказательство того, что это возможно, лежало прямо у него под ногами.

Сэр Реджи меня удивил. Даже не проронив язвительного: «Я предупреждал», – он обнажил два длинных меча, чуть изогнутых на конце, и вонзил их в землю рядом с собой.

– Сколько их, Морган?

Маг задумчиво вглядывался в глубь себя.

– Около трехсот, – сказал он. – Но я могу и ошибаться.

Или у магов очень тонкий слух, что весьма вероятно, или их магическое зрение позволяет заглядывать за стены и разные строения даже с закрытыми глазами.

– Сколько братанов сейчас в монастыре? – спросил сэр Реджи, глядя на пахана. Но тот продолжал твердить свое «это невозможно», явно теряя связь с реальностью. Вместо него ответил братан Лавр:

– Сто пятьдесят.

– И сколько из них способны сражаться? – поинтересовался сэр Реджи.

– Я же сказал, сто пятьдесят, – недоуменно повторил братан Лавр.

– Человек десять полегли у ворот, еще треть будет захвачена врасплох, – подсчитал сэр Реджи. – Так что соотношение примерно один к трем. Не так уж и плохо.

Морган вынул из кармана маленькую деревянную палочку и подбросил ее в воздух. Палочка зависла перед его лицом и начала вращаться, с каждым оборотом становясь больше. Я уже начал привыкать к тому, что местные предметы, пребывая в свободном падении, способны показывать разные фокусы, которых от них совсем не ожидаешь, так что почти не удивился, когда Морган вынул из воздуха двухметровый деревянный волшебный посох с весьма нехилым набалдашником.⁷

Оказалось, что под длинными рясами братанов скрываются не менее длинные мечи, которые они обнажили, поворачиваясь лицом в сторону ворот. Лишь Гармон не преподнес никаких сюрпризов, а я уже почти был готов к тому, что его гитара превратится в базуку или в пулемет, как это показывали в «Десперадо».

Морган повертел головой, что-то высматривая, пока его взгляд не остановился на каменной беседке метрах в двадцати от сада.

– Купол созерцания, – пробормотал он. – То, что нам надо. Отступаем туда.

Сэр Реджи и монахи не тронулись с места, очевидно, их это не касалось, зато Гармон сразу потрусил в указанном направлении. Морган подхватил пахана под одну руку, я под другую, и мы совершили отступление на заранее подготовленные позиции.

Беседка была круглой, метров пяти в диаметре, толстые каменные стены возвышались примерно на метр над уровнем земли, и строили ее явно на века. Самой странной деталью беседки была тяжелая массивная дверь из чугуния или из чего-то, очень на чугуний похожего.

⁷ А я уже грешным делом начал сомневаться. Что это за настоящий волшебник без посоха?

И, несмотря на то что мы были открыты со всех сторон, Гармон очень тщательно закрыл ее за нами и задвинул оба засова.

Мы с Морганом опустили пахана на каменную скамью. Маг снова покрутил головой и направился к единственному украшению строения: каменной статуе, изображавшей либо бога похоти, либо очень мужественного человека. Маг положил руку на самую мужественную деталь скульптуры, словно собирался доставить каменному истукану незабываемое удовольствие, и резко потянул вниз. Смотреть на это было почти больно.

Тут же на беседку со всех сторон опустились металлические кольчужные жалюзи, защищающие ее обитателей от стрел. Снизу они были утяжелены чем-то, смахивающим на обломки рельсов, так что поднять их снаружи без рычага было бы весьма затруднительно.

В жалюзи имелись отверстия, небольшие, напоминающие бойницы, чем они по сути и являлись. Не знаю, была ли танкообразная беседка изобретением монахов или появилась здесь до них, но архитектор явно пытался предусмотреть все. Сюда бы еще недельный запас еды и воды, и мы сможем выдержать любую осаду.

Тем временем показались первые нападающие. Их было около пятнадцати человек, приближались они с воинственными криками и улюлюканьем. На них не было одинаковых мундиров с гербами, латных доспехов или рогатых шлемов. Обычный сброд, одеты кто во что горазд, вооружены примерно так же. Да и крики у них были разные.

– Наемники, – констатировал Морган.

Сэр Реджи вытащил из земли свои мечи, жестом приказал братанам оставаться на месте и пошел навстречу противнику. Один.

Мы с Гармоном прильнули к бойницам, Морган же не выказал никакого любопытства. Он был знаком с сэром Реджи гораздо дольше нас.

Первая схватка не заняла много времени, да и я в этот момент имел неосторожность моргнуть, так что никаких особых подробностей сообщить вам не могу. Сэр Реджи один остался стоять на ногах, все остальные лежали, заколотые, зарубленные и частично обезглавленные.

Вторая волна нападающих была гораздо многочисленнее, примерно треть их осталась рубиться с сэром Реджи, остальные побежали дальше, и братаны вступили в бой. Конечно, все они уступали сэру Реджи в скорости и в отточенности движений, но, на мой непрофессиональный взгляд, рубились неплохо, с огоньком.

Сэр Реджи опровергал все мои представления о схватках с применением холодного оружия. То, как он бился, не было похоже ни на что, виденное мною ранее. Конечно, раньше мне доводилось наблюдать подобные сцены только по телевизору, но никак не живьем, и разукрашенный синей краской Мэл Гибсон или длинноволосый Кевин Костнер в подметки не годились человеку, выросшему с мечом в руках.

Во-первых, сэр Реджи дрался быстро. Пригласи кто из голливудских режиссеров его на главную роль, ему пришлось бы замедлять сцены поединков раза в четыре, иначе никто из зрителей ничего бы не увидел. Вы думаете, что Джеки Чан быстр? Вы просто сэра Реджи в деле не видели.

Во-вторых, все американские звезды фехтуют молча, обмениваясь ехидными шуточками и угрозами только в перекурах, когда надо вытащить меч из наполовину перерубленной колонны или нанести противнику куп де грас. Сэр Реджи не замолкал. Сначала он пел какую-то похабную песенку, потом, когда под натиском превосходящих его числом сил врага был вынужден отступить к беседке, он принялся комментировать собственные поединки, давая пояснения, называя приемы и финты. Он даже принялся учить кого-то из своих противников, правда, сомневаюсь, что кто-то из них успел усвоить уроки, ибо в итоге все его ученики оказывались мертвыми.

Но, несмотря на мастерство сэра Реджи и мощь братанов, противник постепенно продвигался к беседке, ибо на поле брани подходили все новые и новые наемники.

– Уважаемый, – обратился я к Моргану, – а вы не считаете, что и нам пора присоединиться ко всеобщему веселью?

– Рано, – сказал он. – Я не хочу, чтобы они раньше времени узнали о наличии на нашей стороне волшебника.

Это было не очень логичное утверждение, потому как само наличие нападающих в данный момент говорило о том, что они владеют полным объемом необходимой им информации. Однако спорить с магом я не стал, пусть делает, что считает нужным.

Я несколько нервничал, и мне зверски хотелось курить, а сигареты закончились. Подумав о сигаретах, я вспомнил, что, как и положено всякому запасливому человеку, заначил в багажнике два блока своего любимого курева, а мысли о багажнике напомнили и о другой моей заначке, которая в данной ситуации отнюдь не казалась мне лишней, а была очень даже с руки. С другой стороны, моя машина по-прежнему стояла у ворот, где бушевала битва. Хотя с какой стати битве все еще там бушевать? Братанов у ворот было немного, все они уже наверняка полегли, а нападающие разбрелись по территории монастыря. Сколько времени нужно трем сотням человек, чтобы пройти в такие громадные ворота? Немного.

Значит, у ворот сейчас никого нет, если не считать пары часовых, которых они могли выставить. А могли и не выставить.

Сэр Реджи учинил форменную резню. Пространство вокруг него было засыпано телами, тела отмечали путь его отступления, и, могу вас заверить, раненых тел среди них было совсем немного. Затаившийся Змей жалил насмерть.

Один из братанов пал, двое были ранены, но продолжали битву с тем же старанием и с куда меньшим успехом, лишь братан Лавр, целый и невредимый, лишившийся меча и найдя ему замену в виде огромного боевого топора, не снижал темпа.

Со стороны ворот показалось подкрепление в размере доброй сотни человек. Тут уж Морган посчитал необходимым вмешаться, отперев дверь и выйдя на свободное пространство.

– Сейчас ты увидишь боевую магию во всей красе, – сказал Гармон.

Я промолчал. Раньше я боевой магии, да и любой другой ее разновидности, кроме собственного моему миру шарлатанства, не видел, и подобное замечание не требовало ответа.

Морган сделал глубокий вдох и выдохнул огнем. Не как факир из нашего мира, пламя которого редко достигает метра в длину и тут же развеивается по воздуху. Нет, пламени Моргана мог бы позавидовать какой-нибудь дракон или старый добрый огнемет. Струя огня была узкой, направленной и била метров на пятьдесят, моментально перекидываясь на одежду и плоть врага. В воздухе запахло шашлыком.

– Выдох Дракона, – прокомментировал заклинание бард.

Морган удерживал струю около двадцати секунд, что для обычного выдоха было слишком уж долго. Но одним махом он положил около тридцати человек.

Потом он сотворил огненный шар около двух метров диаметром и отправил его катиться в сторону врага. Не все успели увернуться. Объятые пламенем люди истошно кричали, размахивали руками, роняя оружие, и падали на землю.

– Адский Кегельбан, – дал название бард. – В Школе Огня Морган особенно силен.

– Заметно, – сказал я. – Слушай, а почему мы вообще не отступаем? Зачем мы деремся?

– В смысле? – удивился Гармон.

– В прямом. У нас тайная миссия, и мы должны держаться скрытно, так мне говорили.

Кроме того, мы столкнулись с превосходящими силами противника, и самым мудрым выходом из создавшегося положения было бы бегство.

– Позволю себе с тобой не согласиться, мой лорд, – сказал Гармон. – В данной ситуации отступление вряд ли было бы самым мудрым выходом, потому что в таком случае мы оставили

бы у себя за спиной целый отряд противника, вечно скрываться от которого мы все равно бы не смогли. Рано или поздно нам пришлось бы с ними сразиться, только в менее благоприятных условиях, ведь сейчас на нашей стороне бьются местные монахи. Кроме того, ты не слышал раньше о Моргане и сэре Реджи. Потому что если бы слышал, то не нашел бы силы врага сильно превосходящими. Обычные наемники. Интересно, сколько им заплатили, что они отважились напасть на монастырь братанов?

– Ты ставишь не тот вопрос, – сказал я. – Если они напали, значит, заплатили им достаточно. Гораздо более интересно было бы узнать, кто им заплатил.

– Темный Властелин.

– Конечный заказчик он, не спору, – сказал я. – Но сомневаюсь, что он сам общался с этим сбродом. Обычно в таких схемах используют посредника, этакое доверенное лицо.

– Может, ты и прав, – сказал бард. – Но какая нам разница?

Тем временем Морган простер руки вперед, посох остался висеть в воздухе там, где он его оставил, а с растопыренных пальцев Моргана били молнии. Те несчастные, в кого они попадали, вспыхивали белым пламенем и превращались в горстки пепла. К запаху шашлыка примешивался запах озона.

– Веер Грома, – сказал бард. – Это уже из Школы Воздуха.

Роль наблюдателя стала мне надоедать. Конечно, я не силен в фехтовании, и это еще не совсем моя война, с другой стороны, смотреть, как другие дерутся и убивают за тебя, было не слишком красиво. В конце концов, враг явился сюда за мечом, а носителем меча был я, следовательно, явились они по мою душу. Не в моих правилах отсиживаться за чужой спиной.

Размышляя подобным образом, я придвинулся к двери и начал отодвигать засов, когда на мое плечо легла рука барда.

– И что это ты делаешь? – спросил он.

– Иду на подмогу.

– На подмогу? По-моему, они и без тебя неплохо справляются.

– Может быть, со мной они справятся еще лучше.

– Сильно сомневаюсь, – сказал Гармон. – Ты уж меня прости, но это так. Я не владею мечом, но я видел очень много хороших воинов, и, судя по тому, как ты держал в руках оружие, ты к их числу не относишься. Прости, но если ты туда пойдешь, то создашь нашим дополнительную помеху, так как им придется не только драться с врагами, но еще и прикрывать тебя.

Хоть мне это и не нравилось, но звучало логично.

– Не беспокойся, – сказал бард. – И на твою долю сражений хватит. Я же со своей стороны воспою этот день в балладе.

Откуда-то сбоку выбежали человек тридцать-сорок братанов с оружием в руках и разместили то, что оставили от атакующих Морган с сэром Реджи.

– Это уже все? – спросил я барда.

Похоже, он разбирался в таких вопросах. По крайней мере, разбирался в них куда лучше, чем я.

– Сомневаюсь, – сказал Гармон. – Но если следующие будут такими же, особых проблем я не предвижу.

И я ему почти поверил.

Глава четвертая, в которой стычка заканчивается, герой теряет одного соратника и размышляет о литературных персонажах и о собственной роли в эпосе жизни

Должен признать, что в вышеописанном эпизоде я повел себя вопреки классическим канонам поведения героя фэнтези в кризисной ситуации. Классический герой фэнтези при первых же признаках появления врага должен почувствовать необъяснимый прилив сил, построить своих соратников громким командным голосом и возглавить сей атакующий строй, размахивая своим магическим артефактом.

Но я себя подобным образом не повел.

Вообще, мне кажется, что в тот момент я не до конца верил в реальность происходящего вокруг моей скромной персоны. Слишком много вокруг было крови и смерти. Не сказать, что я не сталкивался с насилием в своей предыдущей жизни, сталкивался, и даже очень, и в моей хулиганской юности, и в бурной молодости, протекавшей в водоворотах большого бизнеса, но столь крупных актов насилия, при участии такого количества народа на моей памяти не было.

Магия оказалась страшным оружием. Конечно, до атомной бомбы ей было далеко, но ведь я еще не все видел.

Что касается сэра Реджи... Сэр Реджи вообще ни в какие рамки не лез. Теперь я понимал, что все его прозвища заслужены, но вряд ли они отражали то, кем он был на самом деле. Виртуоз меча, маэстро шпаги, Паганини кинжала. Морган мог быть прототипом любого из литературных волшебников, начиная с Мерлина и заканчивая Гендальфом Серым, разве что те больше говорили, чем делали, но фигуру, схожую с сэром Реджи, мне трудно было вспомнить. Самым близким аналогом был Бенедикт, старший брат Корвина из «Янтарных хроник», который, цитирую почти слово в слово, способен был одной рукой сражаться с десятком человек, а другой делать примечания к Клаузевицу.

Если Темный Властелин в своем искусстве фехтования хоть на десять процентов столь же виртуозен, то мне против него ловить нечего. Даже после года тренировок под руководством сэра Реджи я не смогу драться так, как он. Для этого надо родиться с мечом в руках.

Что самое удивительное, несмотря на царящие здесь порядки, мир этот начинал мне нравиться. Конечно, я уверен, что и здесь не обходятся без двурушничества и интриганства, однако тут привыкли встречать врага лицом к лицу и улаживать свои проблемы лично, не прибегая к услугам профессионалов. Люди здесь, по крайней мере, те, кого мне довелось встретить, были именно теми, за кого себя выдавали. Маги были магами, воины – воинами, братаны – братанами, а негодяи – негодяями.

Примитивно, скажете вы. Примитивно, согласен. Но играть в «угадайку» в своем мире мне порядком надоело. Вот если вы видите перед собой молодого, коротко стриженного человека со спортивной фигурой, одетого в джинсы и в кожаную куртку, вам ни за что не угадать, кто он на самом деле. Такой индивидуум может оказаться, конечно, и тем, за кого его все принимают, то есть братком, но с равной долей вероятности может быть сотрудником милиции, налоговым полицейским, мелким частным предпринимателем или учителем физкультуры в средней школе.

Здесь все проще. Если ты носишь рясу, под которой прячешь меч, – значит, ты монах воинствующего ордена, а не переодетый сотрудник службы имперской безопасности.

Если у тебя есть волшебный посох, способный изменять свои размеры, то ты маг, а не шарлатанствующий гипнотизер, снимающий запои по фотографии. Если ты носишь на себе

много оружия, то должен уметь им пользоваться. Если ты называешь себя бардом, то должен уметь петь и играть без «фанеры».

А если у тебя есть магический меч – то ты герой, вот и надо вести себя подобно герою.

Тогда чего же я сижу в укрытий на пару с местным паханом, потерявшим связь с реальностью, и странствующим поэтом?

Да потому что герой и идиот – это разные слова, а отнюдь не синонимы, как считают некоторые авторы фантастических произведений. В словах барда была истина. Я не чувствовал, что могу принести много пользы на поле боя, тем более что поле боя было за нами.

По крайней мере, я так думал.

– Опа, – сказал Гармон.

Это было совсем не радостное «опа», не «опа», означающее: «Посмотрите, там все зашибись». Напротив, это «опа» было выражением неприятного удивления. И я тут же посмотрел, что же его вызвало.

Со стороны ворот приближалась очередная группа нападающих. Не намного многочисленнее предыдущей, поэтому непонятно было, что именно встревожило барда. Однако он не сводил с нападавших глаз, и, проследив за его взглядом, я понял, что, а точнее, кто именно его встревожил.

Был в этой разномастной толпе оборванцев один человек, который в общую картину никак не вписывался.

Он был хорошо одет. Темно-зеленый камзол, расшитый золотом, элегантная шляпа с пером, именно так в моем представлении выглядели дворяне в романах Александра Дюма, пока я пребывал в нежном возрасте, необходимом для их прочтения. На перевязи у него висело два меча. Но выпадал он из толпы по другой причине.

Все бежали, он – нет. Он шел прогулочным шагом, с любопытством глаза по сторонам, словно приближался не к полю брани, на котором полегло уже больше сотни его людей, а прогуливался по загородному саду своих близких друзей. Все кричали, подбадривая себя, он шел молча. На его лице блуждала беззаботная улыбка. И по всему было видно, что он здесь главный. Жестами он намечал направления атаки для своих подчиненных.

Сэр Реджи тоже его увидел, потому что улыбка, не покидавшая его в течение всего боя, тут же куда-то исчезла, и он торопливо стал перестраивать братанов, давая им какие-то указания, смысла которых на расстоянии я уловить не мог. Морган вытащил из воздуха свой посох и обхватил его двумя руками.

– Кто это? – спросил я. На моих спутников он явно произвел впечатление.

– Тот, о ком ты спрашивал, – сказал Гармон. – Тот, кто заплатил этим наемникам и направил их на нас.

– Об этом я уже догадался, – сказал я. – Более конкретно ты ответить можешь?

– Могу, – сказал Гармон и замолчал.

Будь я на пару лет моложе, я потерял бы терпение и вытряс бы из него ответ, держа за ноги и подвесив вниз головой. Но я не был на пару лет моложе, и жизнь научила меня сдержанности. Так что я просто посмотрел ему в глаза.

– Ну и?..

– Это Келлен, – сказал он.

– Просто здорово, – сказал я. – И кто такой этот Келлен?

– Ты не знаешь? – удивился бард.

– Я не знаю, – констатировал я. – Я прибыл в ваш мир недавно и почти никого не знаю.

Просвети меня.

– Сэр Реджи успел рассказать тебе о Черных Лордах?

– В общих чертах, – сказал я, и сердце у меня упало.

Из того немногого, что рассказывал сэра Реджи по интересующему меня сейчас вопросу, следовало, что еще никто не мог побить их в честном бою. Или в нечестном.

– Это Черный Лорд Келлен, – сказал Гармон. – Один из Шести.

Разумом я понимал, что слово «черный» в их названии – это лишь метафора и дань традиции, однако все равно представлял их несколько по-другому. Мне рисовалось что-то вроде Дарта Вейдера, что-то по-настоящему черное, мрачное и зловещее. Этот парень, как я уже упоминал, был больше похож на друзей Д'Артаньяна, чем на отца Люка Скайуокера, но имидж у него был тот еще.

Внезапно он остановился и поднял руку. Толпа наемников сразу же замерла.

– Я готов к переговорам, – заявил он. Голос у него был приятный.

– Нам не о чем разговаривать, – заявил в ответ маг.

– Вот как? – Келлен искренне удивился. – Старым друзьям, особенно после того, как они не виделись много лет, всегда есть о чем поговорить, Морган. Для начала я хочу тебя поздравить. Наконец-то твои поиски увенчались успехом и ты нашел Избранного, который вытаскивал меч. Могу я на него посмотреть?

– Тебе придется пройти мимо меня, – сказал сэра Реджи. Это не прозвучало как угроза. Он просто констатировал факт.

– А, Ястреб. – Черный Лорд улыбнулся. – Мне следовало догадаться, что ты здесь, слишком много людей я потерял. Сладкая парочка снова вместе? Жаль, что ты не Избранный, Ястреб, сражаться с тобой всегда было сплошным удовольствием.

А сэра Реджи говорил мне, что никогда не встречал ни одного из Черных Лордов! Почему?

– Я могу предоставить тебе его прямо сейчас.

– Избранного? – изумился Келлен.

– Удовольствие сразиться со мной, – сказал сэра Реджи. – Только это будет последним удовольствием в твоей жизни.

– May be, may be, – сказал Келлен. – Но я предпочел бы не тебя. Разве Избранный не хочет проверить свои силы на слуге прежде, чем примется за господина?

– Он не хочет размениваться по пустякам.

С одной стороны, такая постановка вопроса сэром Реджи была оскорбительна для Келлена, с другой – он оценивал мои шансы победить в этой схватке так же, как и я. Как никакие.

– Я готов пойти на уступки, – сказал Келлен. – Мне нужен только меч, и я получу его в любом случае. Отдайте его мне сами, и тогда я сохраню ваши жизни и жизни этих монахов. Но я на этом не слишком настаиваю. Я могу и по-плохому.

– В качестве ответного предложения я рекомендую тебе убраться отсюда, – сказал сэра Реджи. – Обещаю, что в этом случае не буду тебя преследовать.

– Преследовать меня? На пару с престарелым заклинателем? Это даже не смешно. Раньше твой юмор был куда более тонким, Ястреб. Похоже, что ты вырождаешься. Где вы прячете своего Избранного, Морган? Или вам повезло, и он один из этих монахов? – Келлен оглядел толпу. – Но я не вижу Валькирии. Или он в той беседке? – Мне показалось, что он смотрит мне прямо в глаза, и я отпрянул от бойницы. Инстинктивно. – Наверное, так. Применим силовой вариант. Attack.

Они и атаковали.

Толпа наемников бросилась вперед и схлестнулась с монахами и сэром Реджи. Зазвенели мечи.

Шестеро остались рядом с Келленом, и только тогда я рассмотрел, что они были одеты в одинаковые черные балахоны, а лица их скрывали глубокие капюшоны. Они организовали шестиконечную звезду Давида, и из центра этой звезды в сторону Моргана потянулись фиолетовые щупальца тумана. Морган крепче сжал свой посох и приготовился к отражению магической атаки.

Келлен же, находясь в стороне от этого безобразия, вытянул вперед правую руку и нацелил на беседку указующий перст.

Дверь, а я уже упоминал выше, что это была правильная, массивная и тяжелая дверь, которая могла бы прийтись бабушкой любой из наших современных металлических дверей, вынесло вместе с коробкой, протащило сквозь всю беседку в облаке пыли и с гулким звуком впечатало в мужественную скульптуру. Скульптура рассыпалась в прах.

Разрушение предмета искусства вывело пахана из состояния ступора. Он залез руками под рясу, вытащил из-под нее весьма нехилый ножичек и с боевым кличем: «Совсем рамсы попутали, падлы!» – бросился на врага.

До врага он не добежал. В проеме он словно наткнулся на невидимую стену, по крайней мере, на вид удар был весьма чувствительным, и застыл на месте. Стоя в проеме, он представлял собой просто замечательную мишень, и я попытался оттащить его в сторону, совсем упустив из виду, что, стоя рядом с ним, являюсь такой же, если не более замечательной ввиду большего размера, мишенью.

– Староват для героя! – крикнул Черный Лорд Келлен, своим голосом перекрывая шум битвы. В каждой его руке уже было по арбалету.

Хороший трюк. Старина Десперадыч, у которого стволы выскакивали из рукавов, рядом с ним просто отдыхал. В принципе, засунуть пистолет в узкий рукав джинсовой куртки довольно проблематично, но вполне решаемо, а вот где можно прятать два заряженных арбалета? Уж не в складках камзола, это точно.

Гармон сорвался со своего места и бросился ко мне. Размышляя над его поступком задним числом, я пришел к выводу, что вряд ли он на самом деле рассчитывал вытолкнуть меня из проема, слишком уж велика была разница масс наших тел, и он должен был это понимать. И от этого его поступок становился еще более героическим.

Он прикрыл меня собой.

Один арбалетный болт вонзился в грудь пахана, другой – в спину барда. Его глаза широко распахнулись, когда он принял предназначенный мне удар, и он подался вперед, падая на меня.

– Вот и сам я попал в балладу, – прошептал он, падая к моим ногам.

Келлен бросил арбалеты на землю и вытащил меч. Сэр Реджи рвался к нему, но его сдерживали силы наемников. Монахи сражались отчаянно, однако враги превосходили их числом, и даже Морган был слишком занят, чтобы помочь.

Время для меня остановилось. Ну, не совсем чтобы остановилось, но крайне замедлилось. Глаза смотрели на битву и выхватывали из нее только фрагменты. Вот падает братан, сраженный мечом, вот сэр Реджи медленно, почти театрально проводит мечом по горлу какого-то парня, и из раны начинает струиться кровь. Звезда Давида уже разрушена, ибо двое вражеских магов валяются на земле.

Морган держит посох в левой руке, а правой делает какие-то пассы. Келлен заносит ногу для очередного шага. В этот момент я окончательно уверовал в реальность этого мира. Я видел барда, видел его поступок, и наконец-то я понял, что я действительно означаю для местного населения и чего местное население от меня ждет. Эти парни не знали меня и полных двух дней, но они были готовы отдать свои жизни ради спасения моей. Возможно, Моргану и сэру Реджи не обязательно было жертвовать собой, чтобы отвести удар, но Гармон не был воином и сделал только то, что было в его силах.

И именно тогда я решил, что сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь людям этого мира.

Я сделал шаг вперед и наткнулся на невидимую стену, которая остановила пахана. На ощупь она была гладкой и холодной, не пружинила и не отталкивала руку назад, как это на ее месте делало бы всякое уважающее себя силовое поле. Просто невидимая стена. Магия, черт бы ее драл!

Вспомнив старую поговорку,⁸ я вынул из ножен свой магический артефакт (Валькирия не запела песню битвы, или что она там еще могла бы запеть) и рубанул им невидимое препятствие. Лезвие не встретило сопротивления. Держа меч перед собой, я сделал шаг вперед. Ничто не остановило моего продвижения.

Выйдя из беседки, я обнаружил, что вынул меч весьма своевременно, ибо монахи бились в окружении и уже не могли сдерживать врага. От общей свалки ко мне летели двое оборванцев. Я приготовился к первому в своей жизни фехтовальному поединку, который мог закончиться смертью.

Я держал меч в правой руке, чуть согнув ее в локте и выведя вперед. Это было мое единственное преимущество перед ними: длина меча, дополненная длиной руки. Их преимущество было куда более весомым: они знали, как своими мечами пользоваться.

Подлетев, они остановились в нерешительности. Наверное, их смутили мои габариты, а также то, что как-никак я все же был Избранным и владел зачарованным мечом. Потом один из них оглянулся и увидел медленно приближающегося Лорда Келлена. Страх перед собственным руководством, как это и должно быть в любой уважающей себя организации, пересилил страх перед физической смертью, и они ринулись в атаку.

Я сделал шаг назад и скрестил меч с первым из них. Удар был не слишком сильным, но меч моего противника сразу же переломился и он остался безоружным. Инерция не слишком унесла в сторону мое собственное оружие, и, возвращая его на позицию перед собой, я сделал короткий выпад, пронзая противнику горло. Он булькнул что-то не слишком разборчивое и упал на колени.

Второй атаковал сбоку, я едва успел увернуться и прикрыться мечом. Лезвие вражеского клинка тоже лопнуло от первого же соприкосновения с Валькирией, и противник обратился в бегство. Помня о том, что негоже оставлять за своей спиной живого врага, я рубанул его спину.

Мне доводилось служить в армии, полгода из двух я провел в горячей точке на Кавказе, так что убивать врага на войне не было для меня чем-то из ряда вон выходящим и никаких эмоций я не испытывал. Война – это не мирная жизнь, и вопрос всегда стоит так: либо ты, либо тебя. Нравится тебе это или не нравится, но выбор твой ограничен только этими двумя вариантами, и я свой сделал еще в Аргунском ущелье.

Ко мне бежал еще один, но бежал он слишком быстро и не успел вовремя остановиться. Я сделал шаг в сторону, пропуская его, и рубанул сбоку. Он успел заблокировать удар своим мечом, но то ли интенданты противника подсунили своим солдатам некачественную сталь, то ли это было одним из свойств Валькирии, меч его тут же развалился пополам и мое лезвие вошло врагу в бок.

Келлен был все ближе. Он обходил основную схватку стороной, лишь изредка останавливаясь, чтобы отразить удар атакующего его братана. Я огляделся в поисках поддержки.

Против Моргана стояло уже только двое вражеских магов, и воздух между ними сверкал и искрился. Сэр Реджи был в самой гуще сражения, и мне пришло в голову, что именно такова тактическая задумка Келлена. Не то чтобы он всерьез опасался Кантардского Ястреба, однако тот мог отнять время, необходимое Черному Лорду для овладения мечом.

Мне тоже следовало выработать свою стратегию выживания в предстоящем бою. Я успел убедиться, что мечи противника не выдерживают соприкосновения с Валькирией, а мои руки длиннее рук любого из местных супостатов, значит, надо просто пофехтовать с Черным Лордом с безопасного расстояния, и он останется без оружия. В данной стратегии было только одно уязвимое место: я не сомневался, что Келлен наверняка найдет способ прирезать меня, не касаясь своим мечом моего.

⁸ Старых поговорок много. В данный момент мне вспомнилась вот эта: «Клин кувалдой вышибают».

Келлен подходил ко мне все тем же прогулочным шагом. Вблизи его камзол, расшитый золотыми розами, казался еще роскошнее, чем издаലെка. Келлен был больше похож на этакого столичного щеголя, комильфо, чем на сподвижника Темного Властелина, мечника и убийцу.

Метрах в четырех от меня он остановился и окинул меня оценивающим взглядом. Я постарался держать меч с видом матерого рубаки, но, судя по искривившимся губам Черного Лорда, на записного бретера я не тянул.

– Значит, ты и есть Избранный? – проговорил Келлен. Странное дело, но его слова заглушали шум схватки. – Выглядишь довольно внушительно, не спорю, но так же ли ты хорош в деле?

– Подойди и узнаешь, – сказал я.

Если бы эта фраза слетела с уст сэра Реджи, она могла бы быть угрозой, но поскольку произнес ее я, как таковая она не прозвучала. Подойди и узнаешь.

– Непременно подойду, – сказал Келлен. – Иначе зачем я вообще сюда пришел?

– Померяться в остроумии с сэром Реджи, – сказал я, готовясь принять героическую смерть.

– В этом удовольствии я не могу себе отказать, – сказал Келлен. – Но удовольствие удовольствиями, а дело прежде всего.

И он пошел на меня. В его легкой походке грациозного танцора читалась неотвратимость надвигающегося на шлагбаум бронепоезда. И я не сомневался, что Черный Лорд Келлен был опаснее, чем танковая бригада.

Но тут произошло неожиданное. Последний противник Моргана рухнул на землю, извиваясь в конвульсиях и затихая, волшебник поднял посох двумя руками и с силой обрушил его на землю. Над местом схватки мгновенно повисло облачко тумана, и все сражающиеся рухнули замертво. Лишь сэр Реджи возвышался над ними.

– Вот она, настоящая, истинная магия, – прокомментировал Черный Лорд Келлен. – Своих и чужих не разбирающая. А у тебя, Ястреб, я так понимаю, иммунитет против Громого Тумана?

Сэр Реджи ответил не словом, но делом. Три мощных прыжка потребовались ему, чтобы выбраться из круга лежащих тел и оказаться с Келленом лицом к лицу.

Они сошлись. На несколько мгновений их руки с мечами исчезли в неясном облаке, из которого доносился лязг и сыпались искры. Это тоже было магией, но магией другого рода. Магией битвы.

Уследить за схваткой простым человеческим зрением я не мог.

Они разошлись. Сэр Реджи был ранен в бедро, довольно сильно, ибо движения его замедлились и он припадал на правую ногу, Келлен потерял перо со своей шляпы.

– Ты, как вино, Ястреб, – проговорил он. – С годами становишься все лучше и лучше. Постижение боевого искусства – суть вечное учение, и через пару веков ты выучишься настолько, что сможешь биться со мной на равных. Если тебе посчастливится пережить день сегодняшний.

– Я очень способный ученик, Келлен, – ответил сэр Реджи. – Думаю, что столько времени мне не понадобится.

Вторая схватка была медленнее, и я успевал выхватить из нее отдельные движения. Но и только. Помочь сэру Реджи я не мог. Не мог этого сделать и маг, стоящий поодаль, но внимательно наблюдающий – слишком уж близко противники были друг к другу, слишком быстро они двигались и слишком часто менялись местами. Мечи звенели. Они пели свою любимую песню, песню боя, они аккомпанировали двум лучшим музыкантам, они создавали спецэффекты в виде снопов искр, выбиваемых ударами стали о сталь.

Сэр Реджи упал на одно колено, и мне показалось, что ему конец, но это был лишь финт, который закончился ударом в ступню, и Келлен тоже охромел.

Больше они не разговаривали.

Темп поединка спал, и у меня появился план помощи.

Я перехватил Валькирию, аки копье, и, выбрав момент, когда противники замерли в относительной неподвижности, метнул ее в Черного Лорда.

Как впоследствии объяснит мне сэр Реджи, если и есть в мире более глупый способ распространиться со своим оружием, чем выпустить его из рук по собственной воле, то ему, сэру Реджи, такой способ незнаком. Брошенный меч не представляет никакой опасности. Он гораздо больше стрелы или арбалетного болта, летит со значительно меньшей скоростью, и отбить его так же просто, как самый неумелый выпад, зато ты в итоге лишаешься своей единственной защиты. «Никогда больше так не делай», – скажет мне впоследствии сэр Реджи.

Но тогда я этого не знал, поэтому мой план сработал. Конечно же Келлен отбил брошенный меч. Это было инстинктивное движение, условный рефлекс, я уверен, что в тот момент Черный Лорд не задумывался, что именно он сейчас делает. Он просто повел своим клинком в сторону и ударил по летящей к нему Валькирии.

Естественно, его собственный меч сразу же переломился пополам.

Оба они были профессионалами, и исход схватки могла решить любая мелочь. И именно этой мелочью оказался перевес ровно в один меч в пользу сэра Реджи.

Затаившийся Змей мгновенно увидел брешь в обороне противника и атаковал с удвоенной силой. И уже на втором выпаде его меч вонзился в плечо Черного Лорда.

Келлен отшатнулся назад, сползая с клинка, на который он был насажан, как кабан на вертел, и расстояние, отделяющее его от противника, увеличилось до полутора метров. Чего оказалось достаточно для того, чтобы Морган нанес свой удар.

Огненный шар, уже виденный мною ранее, прокатился по грунту и ударил Черного Лорда в грудь.

Последнее, что я помню об окончании этой схватки, была дьявольская улыбка на лице Черного Лорда и отчаянный крик Моргана:

– Нет!

И шар и Келлен исчезли, не оставив следов, кроме выжженной земли под ногами.

– Проклятье! – крикнул сэр Реджи, оборачиваясь к волшебнику. – Он был у меня в руках! Маг виновато развел руками.

Я подошел к месту их схватки и поднял свой меч. Он нисколько не пострадал, на лезвии не было даже зазубрин, которые имеют обыкновение появляться после использования холодного оружия по прямому назначению.

– Никогда больше так не делай, – сказал сэр Реджи и сделал мне то самое внушение, которое я привел вам чуть раньше. В его речи не было и намека на благодарность.

Потом я сидел на земле и задумчиво грыз травинку, осмысливая свое новое положение в этом мире, а маг и воин бродили по полю битвы, оказывая помощь живым монахам и нанося короткие, милосердные удары кинжалами живым врагам. В этой войне пленных брать не будут, подумал я. Никто не просит пощады, и никто не ждет ее от других.

Конечно, нам пришлось задержаться в монастыре, оказывая посильную помощь оставшимся в живых монахам и ликвидируя последствия нападения.

Заклинание Моргана, решившее исход битвы, было одной из мощных разновидностей сонных чар, которые погружали жертву в глубокий сон, но не убивали. Их применение напомнило мне трагический и повергший мир в шок захват заложников в театральном центре на Дубровке. Российские спецслужбы применили там какой-то сверхсуперпуперсекретный газ, вынесли заложников на свежий воздух и пристрелили террористов. Только они сначала пристрелили террористов, а потом начали выносить заложников.

Закливание Моргана выгодно отличалось от того газа абсолютным отсутствием вредных для здоровья последствий. Как вы помните, все погибшие заложники, за исключением одной женщины, застреленной террористами, умерли от отравления газом, и большая их часть скончалась в больницах уже после штурма.

У братанов не было даже головной боли.

Трупы наемников они обезглавили и свалили в большую кучу за наружной стеной. Головы они насадили на пики и выставили на стены. Акт устрашения, надо думать. Хотя они имели на это полное право, и насаженные на пики головы врага заставят следующую партию искателей приключений дважды подумать, прежде чем связаться с Орденом Святых Понятий.

Трупов братанов было куда меньше. Братан Лавр ошибся, когда говорил о ста пятидесяти послушниках, на самом деле монахов внутри монастыря было около восьмидесяти. Очевидно, он не принял во внимание тот факт, что значительное количество его единоверцев ночью выступило в поход в одну из отдаленных деревень на предмет взимания с крестьян налога и платы за защиту.

Вместе с настоятелем и Гармоном погибли около сорока человек. Их тела братаны сложили на огромном, наспех сколоченном помосте в центре монастыря. Вечером их ждал погребальный костер.

Братан Лавр, оставшийся за старшего, подошел к сэру Реджи и поинтересовался, не был ли Гармон приверженцем какой-то религии, дабы они могли похоронить его с соответствующими ритуалами, на что Парящий Ястреб пожал плечами и рекомендовал похоронить барда по местным обычаям. На том и порешили.

Братан Лавр не был дураком, он был способен учиться на ошибках, как на своих собственных, так и на чужих. На время нашего пребывания в монастыре он приказал наглухо закрыть ворота и выставил удвоенные караулы. Поэтому людей для других работ не хватало, и нам тоже пришлось засучить рукава. Я думал, сэр Реджи вызовется добровольцем в команду, создающую монастырю мрачный пиар, однако этого не произошло. К мертвым врагам сэр Реджи был равнодушен.

Под вечер с мертвецами было покончено, и братан Лавр распорядился накормить живых, а сам заперся с Морганом в своих покоях. Очевидно, ему требовались консультации относительно дальнейших действий.

Я совершил вылазку за ворота, где стояла моя машина. В этом предприятии меня сопровождали сэр Реджи, до сих пор не отмывшийся от своей и чужой крови, которой он был залит по самые брови, и пятеро братанов.

«Гелендваген» принял первый удар. Колеса его были спущены, выбиты все стекла, кое-где кузов украшали рваные дыры, оставшиеся после ударов мечами. Но содержимое багажника не пострадало. Я нашел два блока курева, бросил их в дорожную сумку, потом оторвал двойное дно багажника, взял из ящика с инструментами отвертку и открутил два винта. В нарисованном следом за этими действиями тайничке покоился небольшой железный ящик с кодовым замком, который я тоже прибрал. Больше ничего интересного в машине не было, и мы вернулись под надежную защиту стен, сказав немецкому скакуну последнее «прости».

Перед обедом братанам выделили полчаса на то, чтобы привести себя в порядок. Если кто и не был испачкан кровью в самой битве, то после разделки трупов и уборки территории ею были заляпаны все. Я тоже ополоснулся и натянул принесенную братанами местную одежду. Единственное, чего у них не нашлось, это ботинок моего размера, так что я оставил собственные.

Одевшись, взглянул на себя в зеркало. Свободные кожаные штаны, которые в Москве носят только звезды эстрады, продвинутые модники и прочие отморозки, широкая кожаная рубаха и походная, явно знавшая и лучшие времена кожаная куртка с бахромой. Наряд венчала

Валькирия, пристегнутая к поясу, и дорожная сумка на ремне, переброшенном через плечо. Ну чем не абориген?

До обеда у меня еще оставалась пара минут, и я занялся снаряжением другого толка. Конечно, спутники мои были крутыми перцами, и сэр Реджи обещал преподать мне пару уроков фехтования, но до тех пор чувствовать себя незащищенным мальчиком в компании взрослых парней мне не хотелось. Я набрал цифровой код и откинул крышку ящика. Под ней, как и следовало ожидать, оказался весьма нелишний в финансовых спорах аргумент, фигурирующий в анекдотах как калькулятор для окончательных расчетов.

Вообще у огнестрельного оружия много народных названий. Ствол, волына, пушка – самые распространенные из них, но есть и более редкие, встречающиеся только в узких кругах профессионалов и знатоков. Один мой знакомый называл его «обсуждателем для самых разных вопросов», другой «личным переносным артиллерийским оружием», третий именовал «проводником из этого мира». Мне же больше всего нравился «последний аргумент».

Мой аргумент был штатовского капиталистического производства, именовался «магнумом», имел сорок пятый калибр и пятнадцатизарядную обойму. Две запасные обоймы покоились в специальных углублениях. Я разобрал и собрал пистолет, убедившись, что с ним по-прежнему все в порядке и он не потерял своего предрабочего состояния, всунул на надлежащее место обойму, а запасные убрал в сумку. Ящичек был хорош, но тяжел, и таскать его на себе все время мне не особо улыбалось, так что я задвинул его под кровать.

В моем распоряжении было сорок пять выстрелов, так что пули предстояло экономить. Даже если в этом мире и изобрели порох, в чем я уверен не был, это еще не значит, что они умеют лить непонятно кому нужные маленькие ядра и чеканить гильзы.

Вы спросите, откуда я знал, что пистолет вообще будет стрелять в этом мире? Мои литературные предшественники оставили этот вопрос открытым. У кого-то из них принесенные с собой предметы отказывались выполнять свои прямые обязанности, превращаясь в украшения либо в предметы культа, у кого-то работали, но не так, как того от них ожидали, и лишь немногим счастливицам удалось попользоваться плодами цивилизации.

Здесь вовсю практиковали магию, следовательно, физические законы вполне могли отличаться от действующих в моем мире, и порох способен был превратиться в сахарную пудру или в еще чего похлеще, но мне почему-то верилось, что это не так. Мой верный скакун заводился с полуборота, бензин не потерял своих горючих свойств, «ронсон» с пожизненной гарантией продолжал зажигать мои сигареты, да и английский табак на вкус не отличался от того, к чему я привык, так что у меня оставалась надежда. Но все же я решил испытать оружие при первой же возможности. Жертвовать целым патроном, одной сорок пятой частью моего запаса, мне не хотелось. Однако лучше иметь сорок четыре патрона и знать, что они тебя не подведут, чем обнаружить, что «кис-кис» заело в самый неподходящий момент. Как только я окажусь за стенами монастыря, мне понадобится мишень.

Ударил гонг, призывающий братанов в зал для принятия пищи. Я сунул пистолет за пояс, опустил рубашку, чтобы скрыть свою боеготовность, и отправился на обед.

Пиршественная зала братанов была огромной. Очевидно, она должна была вмещать всех обитателей монастыря, количество которых в лучшие времена достигало нескольких тысяч, и еще около пятисот их гостей. По стенам были развешаны факелы, но, даже если зажечь их все, потолок все равно будет теряться в темноте. Сами стены были украшены картинами, посвященными сценам охоты и битв. Героями картин большей частью были сами братаны, но встречались и полотна, не посвященные членам этого ордена. Очевидно, изображенные на них люди тоже жили по понятиям, хотя сами об этом могли и не догадываться.

Поскольку собравшихся сегодня было несоизмеримо мало, большая часть помещения находилась во мраке. Однако со своего места я смог разглядеть громадное, метров этак пять на этак восемь, полотнище, изображающее схватку человека с драконом. Дракон, как и поло-

жено всякому уважающему себя дракону, был огромным, одноглавым, не в пример русским мутировавшим Змеям-Горынычам, бил хвостом, скрежетал лапами, хлопал крыльями и дышал огнем. Размера он был поистине исполинского, ибо занимал добрую половину холста. Вторую половину холста занимал пейзаж.

Собеседником дракона был человек, подозрительно смахивающий на моего нового знакомого, восседающего во главе стола. У него была такая же борода, лысина и посох. В правой руке он сжимал еще и меч.

Беседа у них явно задалась, половина пейзажа пылала в огне, вторая половина уже отпылала и являла собой жалкое зрелище, состоящее из обугленных деревьев и выжженной почвы. Маг отбивал потоки пламени при помощи заклинаний и рубил подбирающиеся к нему части тела вредоносного пресмыкающегося. При ближайшем рассмотрении картины, которое состоялось после обеда, я обнаружил под картиной название «Могучий Грандуигл из рода Фипалов и Великий Победитель Драконов Фей Морган Безбашенный».

Прочитав надпись, я прыснул. Оказалось, напрасно. Слово «безбашенный» было не личностной характеристикой волшебника, но титулом, ничего, кроме доблести, в этом мире не означающим.

Большинство волшебников являлись существами оседлыми. Для того чтобы творить свои заклинания и плевать на мнения и головы окружающих, они строили себе башни. По высоте и величю башни определялись ранг и положение данного индивидуума в магическом обществе. Начинаящие просто строили свои дома на холмах, маги покруче уже возводили небольшие башенки, надстраивая этажи по мере возрастающих согласно рангу и положению нужд.

Согласно традициям, Морган имел право возвести свою башню, которая могла бы поспорить высотой с Эмпайр-стейт-билдинг, но он выбрал стезю странствующего мага и до сих пор не обзавелся подобающим жильем. Возможно, он стремился быть ближе к простому народу в отличие от остальных магов, вознесшихся слишком высоко и забывших, откуда они, собственно, все и вышли; может быть, слишком многие кредиторы преследовали его, отчаявшись получить по счетам, но странствия Моргана не скончались уже десятилетия.

По крайней мере, десятилетия. Под названием картины стояла дата ее написания, из которой следовало, что вышенарисованная схватка мага с драконом состоялась не менее шестидесяти лет назад. Поскольку у нарисованного на картине Моргана уже тогда присутствовала борода и имела место лысина, да и отличался он от себя нынешнего только героическим телосложением, навеянным фантазией художника, можно было предположить, что на данный момент возраст индивидуума насчитывает уже больше сотни лет. Выглядел он, надо сказать, гораздо моложе. Не больше чем на шестьдесят плюс скидка на здоровый образ жизни и постоянное пребывание на свежем воздухе.

Гораздо большее недоумение у меня вызвало упоминание о феях. Сначала я подумал, что в титуле мага пропущен союз «и», но получившееся словосочетание звучало просто дико. Истребитель Драконов и Фей! На мой взгляд, хотя я пока еще не встречал ни тех, ни других, феи были менее опасными созданиями, чем драконы. Образы фей в литературе моего мира были разными, то это крохотные крылатые красотки, то милые добродушные старушки, то зрелые статные женщины, однако все известные мне источники сходились на том, что большинство фей – добрые и отзывчивые существа, отнюдь не подлежащие истреблению наравне с драконами, извечными врагами рода человеческого. Конечно, в этом мире могли водиться и другие феи – коварные, хитрые, изворотливые твари, – однако гордиться убийством женщин я бы все равно не стал.

Чуть позже я узнал, что фей как таковых в местной магической фауне не существует, и отнюдь не стараниями Моргана.⁹

Объяснение оказалось прозаичным и в то же время забавным. Выяснилось, что Морган – это фамилия волшебника, а его первое имя, которое он в силу понятных причин старается не употреблять вслух, – Фей. Вот так его мама назвала: «Фей Морган». Словосочетание показалось мне до боли знакомым и пахло чем-то не очень мужским, поэтому я скрывал свое знание, лишь изредка, когда меня никто не видел, отдаваясь во власть справедливого и оправданного хихиканья.

Времени на приготовление нормального обеда у братанов не было, поэтому меню состояло из холодного копченого мяса, сыра и вчерашнего хлеба, которые предлагалось запивать чрезмерным количеством доброго вина. Братан Лавр распорядился выкатить из подвала бочку.

Празднование победы и поминовение усопших было завершено величественным погребальным костром, зажженным не без помощи Моргана, весьма сильного, как было мне известно со слов покойного барда, в Школе Огня. Перед тем как отдать Моргану приказ поджечь костер, братан Лавр прочитал над покойными короткую молитву:

– Лежащие на этом помосте – наши реальные братья. Они были конкретными пацанами, всегда фильтровали базар и всегда были готовы за него ответить. Они жили по понятиям и умерли по понятиям, и, если где-то есть рай и они туда не попадут, кому-то придется конкретно за это ответить. Типа, аминь.

И он взмахнул рукой.

Костер вспыхнул, языки пламени весело лизали сухое потрескивающее дерево и взвивались до небес. Отблески зарева до утра мелькали в окнах моей кельи.

Понятно, что мы остались в монастыре до утра. Предыдущий день был слишком насыщенным. Избранный обрел меч – или меч обрел Избранного, это зависит от точки зрения, – потом была битва, наведение порядка после битвы, поминки, совмещенные с празднованием победы и перетекшие в грандиозную попойку.

Да и ране сэра Реджи, залеченной заклинаниями Моргана и целебными травами братанов, надо было дать время на заживление.

Когда я проснулся, солнце вовсю светило с самого центра небосклона, возвещая, что выступить на рассвете, как Морган планировал вечером, нам уже не удастся. При условии, что мы не дождемся следующего рассвета.

Я оделся, повесил на пояс меч, сунул аргумент на надлежащее место, ибо уже привык, что в этом мире в любой момент можно ждать неприятностей, и отправился на поиски своих спутников.

Братаны похмельем особо не страдали. Единственным напоминанием о вчерашнем вечере являлась целая очередь жаждущих, выстроившаяся возле колодца. Хотя желание испить ледяной водицы могло быть вызвано и царящим на улице зноем.

У сэра Реджи и Моргана были свои способы борьбы с указанным недугом. На пути к саду камней, где опрошенные мною монахи видели Моргана, я наткнулся на сэра Реджи, который, несмотря на полученную вчера рану, вовсю развлекался со своими железками, фехтуя с тенью и обучая тройку братанов некоторым приемам из своего богатого арсенала. Мы обменялись сдержанными приветствиями, и я продолжил свой путь.

Морган медитировал.

Поправлюсь сразу, это я думаю, что он медитировал, хотя для медитации он был в довольно странном положении. Конечно, поза лотоса способствует прохождению через тело потоков космической энергии, при условии, что вы сможете в эту позу сесть и, что еще важнее,

⁹ Поясняющий замечание анекдот: – Где вы научились так хорошо рубить деревья? – В Сахаре. – Но ведь в Сахаре нет деревьев! – Теперь нет.

просидев в ней энное количество времени, сможете из нее выбраться без посторонней помощи, но мне почему-то казалось, что для правильной медитации нужна более прочная связь с землей.

Связи с землей, как таковой, у Моргана не было вообще. Он завис сантиметрах в пятидесяти от земной тверди, и если потоки отрицательной энергии и уходили в почву, то только по длинным полам его одеяния. Глаза мага были закрыты, но губы шевелились, словно он молился, либо повторял какие-то мантры, либо репетировал особо мощные из своих заклинаний.

Кстати, о заклинаниях. Творя вчера свою разрушительную магию, Морган не проронил ни слова, не нарисовал ни одной пентаграммы, не сварил ни одного варева с примесью сушеных лягушек или человеческого праха, словом, отрицал все общепринятые каноны творения чар. Хорошо, хоть посох у него имелся.

Не решаясь отвлечь волшебника от важного занятия, но в то же время испытывая желание прояснить кое-какие моменты, которые я для себя считал немаловажными, я сдержанно кашлянул. Просто чтобы известить о своем присутствии. Если он не сочтет возможным вступить со мной в беседу, я просто сделаю вид, что приходил полюбоваться разбросанными булыжниками, и отчалою восвоюси.

Однако либо занятие было не таким важным, либо разговор с Избранным имел высшую степень приоритета, но Морган открыл левый глаз.

– Я ждал тебя, – сказал он.

Мог бы ждать и в более подходящем месте, подумал я, но у волшебников свои причуды.

– Я считаю, что нам с вами надо о многом поговорить.

– Верно, – проронил Морган. – И время для этого пришло. Садись, мудрые говорят, что нет правды в нижних членах, опирающихся на землю, ибо не самая подходящая это поза для длительных бесед.

– В мире, из которого я пришел, – сказал я, – мудрые говорят «присаживайся», ибо слово «садись» двойной смысл имеет.

– Уважаю мудрость мира, из которого ты пришел, – сказал Морган. – Присаживайся.

Стульев, сами понимаете, в округе не водилось, поэтому я присел на один из элементов композиции сада, надеясь, что не совершаю святотатства. Закурил сигарету.

Для начала я хочу попросить соизволения говорить тебе «ты», – сказал Морган, исполненный сегодня достоинства и сыплющий мудростью. – Ибо возраст мой достаточно велик для того, чтобы говорить «ты» любому, кто живет на этой земле, включая королей земных и подземных.

– Говорите, – сказал я.

Интересно, что он имел в виду, толкуя о подземных королях?

– Ты полон вопросов, – сказал Морган. – Твоя неопределенность может помешать тебе, и, если я в силах развеять ее, я это сделаю. Спрашивай.

Насчет вопросов он попал в точку. Их было так много, что я даже не мог решить, с какого именно начать, и зашел с самого начала.

– Каким образом мы с тобой вообще можем разговаривать? – спросил я. – У меня есть сомнения относительно того, что все в вашем мире говорят по-русски или по-английски, а я не знаю других языков, однако свободно общаюсь с тобой и с другими.

– Конечно, мы не говорим на тех языках, которые ты назвал, – сказал Морган. – Но при переходе из мира в мир разум автоматически овладевает наиболее широко используемым языком. А для того чтобы это не было эмоциональным шоком для владельца, замещает его на родной для человека язык. Ты говоришь и думаешь сейчас на языке Двенадцати Королевств, языке гора.

Значит, те английские слова, которые, как мне показалось, я слышал от Черного Лорда Келлена, на самом деле английскими не были. Должно быть, он говорил на втором по распространенности наречии, и мой рассудок превратил его в English.

– Почему мы не выступили на рассвете? – спросил я. – Не надо только рассказывать мне сказок, что вы берегли мой сон.

– Нам всем нужен отдых, – сказал Морган. – Мы уйдем сегодня в ночь.

– Но разве не вы считали, что надо уходить отсюда сразу после того, как я вытащу меч? Что оставаться здесь небезопасно, подтверждением чему служит вчерашняя битва?

– Планы изменились, – сказал Морган. – Враг информирован куда лучше, чем я думал, и нам придется изменить маршрут. Что же до безопасности... После вчерашнего нападения Темному Властелину понадобится много времени, чтобы накопить в окрестностях достаточное количество сил. Все, что у него было, он потратил вчера. Сейчас здесь самое безопасное место в округе, да и братан Лавр отозвал всех своих людей. В монастыре сейчас больше трех сотен человек.

Звучало логично.

– Исчерпывающий ответ, – признал я. – Это вы вчера сделали так, чтобы никто не мог выйти из беседки после вас?

Он изумленно посмотрел на меня. Я рассказал о том, что ускользнуло от его внимания, пока он бился с вражескими заклинателями.

– Завеса Силы, – пояснил Морган. – Остаточное явление после Руки Силы, при помощи которой Келлен пробил дверь. Поверь, у меня и в мыслях не было ограничивать свободу твоего передвижения в бою.

– Келлен мертв?

Маг покачал головой:

– Не думаю. Это была моя ошибка, когда я бросил в него слишком простое заклинание, и он использовал его энергию для перехода в другое место. Схватка для него была проиграна, он не смог бы противостоять мне и сэру Реджи одновременно и собирался отступить, а тут я предоставил ему такую возможность. Иначе сэр Реджи мог поразить его своим клинком... Есть что-то еще, что тебя беспокоит?

Было много чего, что меня беспокоило, но я не думал, что он сможет это беспокойство развеять, поэтому я сказал, что нет.

– Хорошо, – сказал Морган. – Теперь я буду задавать тебе вопросы, и ты должен отвечать на них честно, ибо от честности твоей будут зависеть наши жизни и жизни других людей.

– Договорились, – сказал я.

– Ты воин? – спросил он.

– Нет.

– Ты убивал людей?

– Вчера я убил троих.

– Я видел, – сказал он. – Но это ведь была самооборона, был бой. Меня интересует другое. Сможешь ли ты убить человека хладнокровно, осмысленно, заколоть ударом в спину человека, возможно, не сделавшего тебе ничего плохого и не собирающегося сделать тебе ничего плохого. Просто потому, что так надо? Не испытывая никаких эмоций, кроме осознанной необходимости?

– Это сложный вопрос, – сказал я. – Мне нужна мотивация.

– Если мотивация будет достаточной, сможешь ли ты убить?

– Смогу, – сказал я, хотя достаточной мотивации для убийства невинного представить себе не мог.

– Ты убивал людей до вчерашнего дня?

– Да, – сказал я. – Во время службы в армии, а потом еще один раз, по роду дальнейшей деятельности.

– Ты служил в армии, но при этом ты не воин? Как это может быть?

– В стране, где я жил, все мужчины должны определенный срок отслужить в армии, – сказал я. – Два года, начиная с восемнадцати лет.

– А потом?

– Потом делай что хочешь. Это называлось «отдать долг Родине».

– Армия юнцов и новобранцев! – фыркнул Морган. – Кому она может противостоять? Что это за солдат, который назавтра перестает быть солдатом? И ваша страна выиграла хоть одну войну?

– Да, большую, но тогда наша армия была другой. В последнее время мы вели какие-то войны, но не очень понятно, кто в них побеждал.

– В нашем мире солдатами становятся не все, – сказал Морган. – Но те, кто ими становятся, делают это только для того, чтобы умереть солдатами.

– И много войн вы выиграли?

– Все, – сказал Морган. – Кроме самой важной, которая еще не началась.

– А что там за история с Кантардом? – спросил я.

По той обрывочной информации, что мне удалось собрать за время общения с монахами, нельзя было сказать, что это самая славная страница истории армии Двенадцати Королевств.

– В Кантарде не было войны, – сказал маг. – Была бойня. Сорок тысяч зомби, ведомых Черным Огнем Тагры, и десять тысяч орков под предводительством Черного Лорда Келлена напали на гарнизон, который не насчитывал и тысячи человек, и на город, в котором жили двадцать тысяч ни в чем не повинных жителей. За три дня они не оставили в провинции никого живого, кроме отряда партизан, которые выжили при штурме гарнизона и ушли в горы. Когда лорд Келвин по прозвищу Смерть пришел в Кантард со своей армией, орки уже отступили. Келвин гнался за ними, но разбил лишь обоз, остальные успели укрыться на территории Империи.

– А из-за чего, собственно, началась свалка? – спросил я. – Я понимаю, что действия Темного Властелина не поддаются общепринятой логике, но ведь должна же у него быть причина, чтобы отправить большую армию на беззащитный городок.

– Причина была, – сказал Морган. – И скоро ты о ней узнаешь. Когда наступит время. Сейчас тебе надо знать только, что в Кантарде Келлен выполнил поставленную перед ним задачу, и Темный Властелин выиграл первый раунд.

Я уже выяснил, что Черных Лордов было шестеро. Черный Лорд Балдер, известный своим длительным поединком на мечах с принцем крови, «герой» Кантарда и мой вчерашний знакомец Келлен, кроме них были Черный Лорд Моркас, Черный Лорд Сибил и Черный Лорд Тонкар. Сколько вы насчитали? Правильно, пять.

О шестом никто ничего не знал, кроме того факта, что он все-таки есть. Его имя было загадкой, никто никогда его не видел, никто не мог привести ни одного реального факта из его биографии, но все же он считался самым опасным и самым зловещим из всех. Так уж повелось, что неизвестное зло всегда хуже зла изученного. Обычно его называли просто Шестой.¹⁰

– Ты женат? – спросил Морган.

– Нет.

– У тебя есть любимая женщина?

– Я люблю многих женщин.

¹⁰ Кстати, число «6» в Двенадцати Королевствах считалось таким же невезучим, как на Земле число «13». Не знаю, связано ли это с личностью Черного Лорда или уходит своими корнями куда глубже в почву истории, однако на здешних улицах нет домов под номером шесть, а в самих домах нет шестых этажей и апартаментов, на двери которых красуется цифра «шесть». Магия чисел!

– Значит, нет, ибо тот, кто говорит, что любит многих, не любит никого, – констатировал Морган. – Есть родственники в твоём мире, которые целиком зависят от тебя?

– Нет, – сказал я. – Простите, что я вас перебыю, но не пытаетесь ли вы столь вычурным образом намекнуть мне, что для вас было бы нежелательно, если бы у меня были крепкие связи с миром, из которого я пришел, и не означает ли ваш намек то, что я вряд ли смогу вернуться обратно?

Сегодня ночью, утомленный дневными приключениями, я задавался этим вопросом все те пять минут, что ворочался перед сном. Было ли на Земле что-нибудь, что бы меня особо цепляло, задевало за живое, звало назад?

Близиких родственников у меня не было, особо любимых женщин тоже, не было даже постоянной подруги. Друзья? Если их можно назвать друзьями. Приятелей было хоть отбавляй, собутыльников до черта, шапочных знакомых – почти пол-Москвы, деловых партнеров примерно столько же. Но друзьями они мне не были. В нашей стране бытует мнение, что надо либо заводить друзей, либо заниматься бизнесом и зарабатывать деньги. Совмещать эти занятия никак нельзя, потому что затронутые деловые интересы превращают старых друзей в заклятых врагов, а враги, которые раньше были друзьями, опаснее вдвойне.

Оставалась еще работа. В работе я был успешен и отдавал себе отчет в том, что, оставшись без моего чуткого руководства, компания развалится на несколько мелких уже через год. Но моя работа меня не вставляла. Она приносила деньги, однако вряд ли была тем, чем я хотел бы заниматься всю свою жизнь.

Так что же, получается, что ровным счетом ничего не держало меня на Земле? Были, без спору, вещи, приятные для тела и души, хорошие книги, изысканная вина, сауны, красивые женщины и быстрые машины. Но все это, за исключением машин, пожалуй, можно найти и здесь, а четырехколесного коня вполне заменит конь о четырех ногах.

В глубине души я уже почти смирился с тем, что останусь здесь навсегда.

– Я не знаю, – честно признал Морган. – Существует множество порталов, позволяющих перемещаться по нашему миру из одного его конца в другой, но за всю свою жизнь, а она уже достаточно долгая, я в первый раз столкнулся с Вратами, ведущими в другой мир. И я не знаю, откроются ли они еще раз, чтобы вернуть тебя, ибо мудрость моя не безгранична. Я не вижу будущего. Я не знаю, добьемся ли мы успеха или мир падет под натиском Хаоса и все, что мы знаем, будет уничтожено. Я не знаю, что произойдет с тобой, когда ты порaziшь Темного Властелина. Возможно, ты вернешься в свой мир, возможно, навсегда останешься в нашем, возможно, произойдет что-то, чего сейчас мы не можем даже вообразить.

– Вы – самый правдивый маг из всех, что встречал я за свою не столь долгую жизнь, – сказал я, не став упоминать, что он также еще и единственный.

– Я принимаю похвалу, – сказал Морган. – Хотя и не заслуживаю ее. Теперь слушай, есть еще две вещи, о которых я хотел тебе рассказать. Во-первых, не печалься о Гармоне.

– Я...

– Не перебивай. Ты чувствуешь себя виновным в его гибели, я вижу это так же ясно, как и то, что сейчас светит солнце. Но послушай меня. Он сделал для тебя то, что ты сделал для настоятеля монастыря, причем в твоём поступке было больше отваги. Ты выводил из-под удара престарелого и незнакомого тебе человека, а Гармон спасал нашу единственную надежду на завтрашний день. Бард сделал то, что сделал бы любой из нас, оказавшись на его месте, – спас тебе жизнь. Я, или сэр Реджи, или кто-то еще, возможно, смогли бы сделать это, не отдавая взамен своей, но Гармон не был воином. Он сделал то, что должен был сделать, и сделал это, как умел. Не печалься о нем, без тебя его жизнь все равно не имела бы смысла.

– Вы взваливаете на меня слишком большую ответственность.

– Не я, – сказал Морган. – Судьба, если ты веришь в судьбу, боги, если ты веришь в богов, случай, если ты веришь в случай, но не старый волшебник, который больше всего на свете мечтает возвести собственную башню и коротать остаток лет, развлекая детишек фейерверками.

– А вторая вещь, о которой вы хотели мне рассказать?

– Скорее, предостеречь, – поправил маг. – Наш мир – сложный мир, как и любой другой, и не все в нем на самом деле такое, каким выглядит. Я говорю о сэре Реджи.

– Но ведь...

– Сэра Реджи я знаю довольно давно. Он – великий воин, именно он возглавил отряд партизан Кантарда, нанеся противнику больше урона, чем лорд Келвин со всей своей армией, хоть вины лорда Келвина здесь нет. Но сэра Реджи – не лучший пример для подражания. У него нет друзей, есть только временные союзники, и он способен поменять союзника, как только изменится обстановка. У него есть честь, но он пренебрегает правилами, принятыми в цивилизованном обществе. Сейчас мне нужен сэра Реджи, сейчас нам всем просто необходимы такие сэры Реджи, без них было бы куда тяжелее, но не стоит слишком сильно с ними сближаться. До этого момента из обитателей нашего мира ты разговаривал только с ним и с Гармоном, теперь ты говоришь со мной. Я долго молчал, потому что нам не о чем было говорить, ведь я мог ошибаться, и ты мог оказаться не Избранным, потому что боги тоже могут ошибаться. Пока ты не прошел ритуал, я сомневался. Теперь же я убежден, что ты – тот, кто нам нужен, и, если у тебя возникнут какие-то вопросы, обсуди их сначала со мной, прежде чем обращаться к Затаившемуся Змею.

– Хорошо, – сказал я.

– Но в том, что касается нашего похода, ты можешь доверять сэру Реджи без колебаний, – добавил Морган. – Он будет с нами, пока мы не одолеем Темного Властелина. Или не умрем.

Без его последней фразы я вполне мог бы обойтись.

Глава пятая, в которой герой встречает нового соратника и наконец выступает в поход

В поход мы выступили, как и планировалось, ночью, но этому предшествовало еще одно значительное событие. В принципе, если учесть, какое значение имело предстоящее нам предприятие и сколько про него будет спето и написано, если мир уцелеет, баллад и преданий, все происходящие с нами мелочи будут представлены значительными событиями, но это событие действительно являлось таковым.

Где-то около семи вечера, когда утомленный дневными упражнениями сэра Реджи вдохновенно врал местным братанам о трудностях и лишениях по пути в монастырь от места открытия Врат, а Морган продолжал свою парящую медитацию над садом камней, ворота монастыря сотряс страшной силы удар. За ним последовал еще один, а потом целая серия ударов, каждый из которых отдавался звоном в барабанных перепонках и наводил на мысли об еще одной армии, штурмующей монастырь, на этот раз с помощью полновесных таранов.

Я схватил меч, сунул за пояс свой аргумент и побежал к воротам на предмет отбивания вражеских атак. Примерно с такими же целями там уже собрались больше пятидесяти человек, в их числе был и сэра Реджи, который скорее бы дал отрезать себе одну руку, нежели пропустил бы схватку с приспешниками Тьмы.

Но никаких приспешников Тьмы за воротами не оказалось и в помине. Когда я появился на месте событий, братаны уже сняли массивные засовы и открывали тяжелые створки ворот.

Едва ворота приоткрылись, как образовавшуюся прореху заполнил собой Кимли.

Я с интересом рассматривал появившегося индивидуума, и интерес мой был вполне оправдан, ибо Кимли был первым встреченным мною живым высокоразумным существом, но при этом не принадлежал к роду человеческому.

Братаны тут же закрыли ворота, и толпа ошетилилась мечами. После событий вчерашнего дня незнакомцев здесь не жаловали.

Кимли был гномом. Роста в нем было около полутора метров, и, наверное, столько же он имел в объёме. Невысокий, но коренастый и даже кряжистый, он, казалось, был вытесан из цельного куска скалы, на который потом зачем-то натянули доспехи. Борода Кимли была аккуратно подстрижена, голову венчал массивный двурогий шлем а-ля Александр Македонский, поверх прочной куртки из кожи наброшена стальная кольчуга. На плече гнома покоилась кувалда.

Конечно же я иронизирую. Я прекрасно понимал, что предмет, по форме напоминающий обычную кувалду, применяемую в автосервисах для разбортировки колес грузовых автомобилей, буде в сервисах нет денег на специальное оборудование, на самом деле являлся боевым молотом, не слишком распространенным оружием, пользовались которым лишь древние викинги и их не менее древние боги. Рукоятка кува... молота была украшена драгоценными камнями и рунами, сообщающими, что владелец оружия является не последним гномом в своем народе. Одна сторона Ударной части молота носила сходство с обычным молотком, другая имела конусообразную форму, вершиной которой являлось острие около пяти сантиметров длиной. Молотом можно было не только дробить или ломать, но и, как бы абсурдно это не звучало, колоть.

Именно этим молотом Кимли стучал в ворота. И все же странно, что один человек, прошу прощения, один гном мог произвести столько шума. Не одна щепка должна была покинуть свое место в воротах после таких ударов.

– Клянусь заброшенными шахтами старого Баркуда! – возопил Кимли громовым басом, не обращая внимания на обнаженное оружие, направленное на него. – С каких это пор братаны стали запирают ворота своих монастырей?!

– С тех пор, как Черные Лорды стали бродить по этим землям, Кимли, сын Дэринга из Твердыни Каменной Доблести, – раздался из толпы голос сэра Реджи.

– Я слышу голос Гранитного Воина, – сказал Кимли. – Но я не вижу его самого.

– Я здесь, – сказал сэр Реджи, и толпа расступилась, пропуская его к гному. – Уберите оружие, братаны, гном на нашей стороне.

Уразумев, что потеха не состоялась, братаны спрятали оружие и начали рассасываться по своим делам. У ворот остались лишь гном, сэр Реджи, братан Лавр и я.

Кимли и сэр Реджи обменялись крепким, я бы даже сказал, дружеским рукопожатием, чувствовалось, что они были старыми знакомыми, если не приятелями. Потом сэр Реджи представил гному меня и братана Лавра. На братана Лавра гном посмотрел с явной симпатией, на меня с таким же явным недружелюбием. Поскольку смотрел он снизу вверх, задрал голову, находившуюся на уровне моего живота, выглядело это довольно нелепо.

– Что привело тебя сюда? – поинтересовался сэр Реджи, когда с церемонией знакомства было покончено.

– Я ждал, как мы и договаривались, в трех часах пути на Северной дороге, – сказал Кимли, – когда до меня дошли тревожные вести о нападении на монастырь. По моим расчетам, вам было еще рано там появляться, но путник, спешивший по тракту, рассказал, что братанам в бою помогал могучий волшебник, в коем я узнал Моргана. Правда, тот же путник поведал мне, что монастырь сгорел дотла, а все, кто в нем находились, преданы мучительной смерти, и я поспешил, чтобы посмотреть на все собственными глазами. Клянусь бородой Вотана, вот я здесь.

– Слухи о нашей мучительной смерти сильно преувеличены, – заметил сэр Реджи.

– Ты не встречал, типа, ничего необычного в наших краях? – поинтересовался братан Лавр.

– Необычного? – переспросил гном. – Черный Лорд Келлен был на твоей земле, монах, по-твоему, это обычно?

– Кто рассказал тебе о Келлене? – быстро спросил сэр Реджи.

– Тот же путник.

– Он слишком хорошо информирован для обычного путника, – пробормотал Затаившийся Змей. – Лавр, со всем моим уважением хочу заметить, что кто-то из твоих братьев не умеет держать язык за зубами.

– Я закрою вопрос, – сказал братан Лавр. – Еще до вечера.

– Еще до вечера мы покинем твой приют, – сказал сэр Реджи. – Кимли, идем к Моргану, мы должны выступить немедленно!

– Никогда гному не удастся отдохнуть с дороги, – пробормотал Кимли. – Идите же, сэр Реджи, и ты, братан Лавр, известите мага Нефритовой Пещеры, что его проводник прибыл. Я хочу перекинуться парой слов с сэром Генычем.

Когда нас оставили наедине, гном свирепо посмотрел мне в глаза. Я наклонил голову, чтобы ему было удобнее. Чтобы ему стало совсем удобно, мне пришлось бы лечь.

– Избранный, да? – недружелюбно спросил гном.

– Я не напрашивался, – сказал я.

– Никто не напрашивается, – сказал гном. – Тем не менее ты Избранный, а я – проводник вашего отряда. Знаешь, что это означает?

– Что?

– Что нам придется провести какое-то время бок о бок, – сказал он. – И это значит, что ты должен усвоить несколько правил общения с гномами. Ты встречал гномов раньше?

– Нет, – признался я.

– Тогда слушай и запоминай, – сказал он. – Первое: я – гном, и я горд этим. Я – гном, а не карлик, не коротышка, не полурослик, не невысоклик, не шибздик, не низушек, не, храни Витар, хоббит, не недоросль, не человечек, не малыш, не «от горшка два вершка», не домовой, не болотник, не краснолюд и ни в коем случае не гномик. Я – гном. Понятно?

– Достаточно ясно.

– Второе, – чеканил гном. – Ты мне не нравишься. Мне вообще не нравится ситуация, в которой от решений и действий одного человека зависят судьбы целых народов в том числе и моего собственного народа.

– Разумно, – согласился я.

– Третье, – продолжал он. – Несмотря на то что ты мне не нравишься, я все силы положу на то, чтобы доставить тебя к цели, я всегда буду прикрывать твою спину и сделаю все возможное для того, чтобы ты добился успеха. Но сделаю я это не ради тебя.

– По крайней мере, честно.

– И четвертое, – сказал гном. – Если ты дотронешься до моего боевого молота, то тебе придется постигать тонкое искусство фехтования с Темным Властелином при наличии всего одной руки.

– Согласен, – сказал я. – Это все?

– Все, – сказал гном. – Теперь мы можем идти к Моргану.

– Постой, – сказал я.

– Что еще? – спросил он.

– Я выслушал твои правила, – сказал я. – Слушал их внимательно, не перебивая, и принял их все. Теперь ты выслушаешь мои правила. По-моему, так будет справедливо.

– Согласен. – Кимли важно кивнул. – Говори.

– Первое, – сказал я. – Я – Геныч, не Избранный, не верзила, не верста, не оглобля, не великан, не «аршин проглотил», не телебашня, не фонарный столб, не дылда, и, упаси тебя Путин, не герой. Я – Геныч, и я этим горд, понятно?

– Понятно, – сказал гном.

– Второе: мне тоже не нравится ситуация, когда судьбы народов, в том числе и твоего собственного, и судьбы всего мира зависят от действий и решений одного человека, и еще больше мне не нравится, что этот человек – я.

– Понятно, – сказал гном.

– Третье: я не знаю, нравишься ты мне или нет, потому что для того, чтобы выработать мнение о каком-то человеке или гноме, мне обычно требуется какое-то время. Когда мнение сложится окончательно, я тебя об этом извещу.

– Понятно, – сказал гном.

– И четвертое, – сказал я. – Если ты дотронешься до моего меча, тебе придется осваивать трудное ремесло проводника при наличии отрезанной головы.

– Принято, – сказал гном. – Скрепим наш договор рукопожатием?

– Скрепим.

И мы еще раз пожали друг другу руки, не меряясь силой и не пытаясь раздавить пальцы оппонента; это было рукопожатие людей, достигших договоренности. Рукопожатие равных.

Гномы не являлись подданными ни одного из Двенадцати Королевств. Их подземные владения располагались на юге и на востоке и граничили с землями огров. Местность была гористой, неплодородной, трудной для строительства и непригодной для земледелия, так что, кроме гномов, на нее никто и не претендовал. Гномы обладали полной свободой передвижения на территории Двенадцати Королевств, потому что являлись основными поставщиками качественного холодного оружия и ни с чем не сравнимых ювелирных украшений. Если вы

встречали гнома, он с равной вероятностью мог оказаться оружейником или ювелиром. Домоседы по своей природе, гномы не слишком любили выбираться из своих подземных чертогов без крайней необходимости, к разряду которой они относили и торговлю со своими рослыми соседями.

Как и всякий другой гном, Кимли тоже был домоседом, при этом он покинул свои владения, не являясь ни ювелиром, ни оружейником.

Он был гномом Стражником.

Гномы – отнюдь не столь воинственный народ, каким его зачастую пытаются представить многочисленные авторы фэнтези. Но любое государство должно иметь свою армию. Гномы были достаточно богаты, чтобы позволить себе содержать армию наемников, однако вероломство подобных армий было им давно известно. Наемники, дерущиеся исключительно ради золота, вряд ли будут сражаться так же самоотверженно, как гномы, защищающие свой дом. Поэтому каждый десятый гном по достижении совершеннолетия становился Стражником.

У Стражников не было срока службы. Им не платили жалованье и не заставляли ходить строем. Поскольку постоянной необходимости в армии численностью в одну десятую мужского населения страны не было, Стражники вели обычную для гномов жизнь, трудясь на семейной ниве но если возникала необходимость, все как один откликались на зов своего короля.

Кимли был не обычным Стражником, он был Рейнджером. Элита вооруженных сил, что-то вроде «зеленых беретов», «морских котиков» или «войск дяди Васи». И он был на хорошем счету.

Поэтому, когда Морган попросил Подземного Короля выделить ему проводника, отправлен был именно Кимли.

Мы выступили на закате, наш лысый предводитель счел это время особенно удачным. Братаны снабдили нас запасом провизии, поскольку мы собирались держаться подальше от наезженных дорог и густонаселенных участков местности. Братан Лавр пожал нам руки, пожелал удачи и произнес короткую напутственную речь, закончив ее словами:

– И завалите его по всем понятиям, и будьте конкретными пацанами, что бы ни случилось. Никогда не путайте рамсы. Типа, аминь.

После таких пожеланий грех было спутать рамсы или перестать быть конкретными пацанами. Такой мужчина попросил все-таки.

Мы прошли пару километров по дороге, затем Морган, ведомый лишь ему одному понятными приметами, потому как солнце давно село и на страну опустилась ночь, свернул на местную охотничью тропу, и дальше мы двигались колонной, затылок в затылок. Первым шел Морган, затем Кимли, потом я, а замыкал наше шествие сэр Реджи.

Несмотря на короткие ноги, Кимли оказался прекрасным ходоком. Не сбивая дыхания, он даже попытался исполнить какую-то гномью песню, но после призыва Моргана соблюдать тишину, попытки сии оставил.

Надо сказать, что я, как человек более-менее цивилизованный и привыкший к жизни в больших городах, чувствовал себя немного не в своей тарелке. Я никогда так долго не ходил пешком, ибо на Земле к моим услугам всегда были машины, поезда и самолеты. Я никогда не бывал в ночном лесу, не слышал всех этих шорохов, потрескиваний, завываний, не отодвигал руками ветки, освобождая себе дорогу, и не натыкался на коряги, вопреки всякой логике встречающиеся посередине тропы.

Первые километры по лесу дались мне тяжело. Меч был слишком длинным и постоянно путался в ногах, бил по бедру и причинял всяческие неудобства, ремень сумки уже давно натер плечо, а последний аргумент пришлось вытащить из-за пояса и положить в глубокий карман куртки. Но мои спутники не выказывали никаких признаков усталости, шагая молча и не сбивая шага, и мне не хотелось ударить в грязь лицом. Вспоминая когда-то изученные технологии

дыхания, я предоставил своему телу делать шаг за шагом, не выпадая из общей колонны, а сам в очередной раз принялся размышлять о всяком и разном.

Без сомнения, путь нам предстоял долгий и нелегкий. Чураясь проложенных трактов, мы будем пробираться мрачными местностями со зловещими названиями, преодолевая на пути множество препятствий и подвергаясь не меньшему числу опасностей. Откуда я это знаю?

Очень просто. Долгое и опасное путешествие является неотъемлемой частью любого фэнтези. Если тебя признали Избранным, значит, тебе надо куда-то идти. Причем идти придется обязательно туда, где нет никаких дорог и где героев подстерегают самые большие опасности. И в самом зловещем месте этого мира надо совершить нечто. Либо что-то куда-то бросить, либо кого-то чем-то замочить, либо что-то с чем-то сделать, чтобы все в мире встало на свои места и пришло в норму. Вот так все просто. Бросил колечко в Ородруин, и кирдык Саурону. Отобрал у Бранда Камень Правосудия, и Вселенная спасена. Отоварил Темного Властелина Валькирией по голове, и Империя уже никогда не нанесет ответного удара.

Пока происходящее укладывалось в классические сюжеты. Кроме одного. Смерти Гармона.

Так уж водится, что если у Темного Властелина есть энное количество Черных Лордов и других прихвостней, то и его главного супостата, Избранного, то бишь, в пути тоже должна сопровождать группа товарищей. Редко когда главный герой бредет от страницы к странице в сопровождении одного-двух человек, практически никогда он не ходит в одиночку. Лишь в самом конце пути герой может остаться один, чтобы встретиться с главным воплощением зла в обстановке тет-а-тет, а может и не остаться.

Конечно, кто-то из группы товарищей может погибнуть по дороге. Обычно это происходит в самом конце пути, под стенами последней Цитадели Мрака, или уже внутри нее, и умирает он, спасая жизнь главного героя и произнося напутственные слова вроде:

– Мы все равно достигнем Башни!

Или, например:

– Наше дело правое, победа будет за нами!

В случае с Гармоном все обстояло именно так, за исключением одного незначительного нюанса. Я говорю о конце пути. По сути, в момент его гибели путь еще даже не начался, и это было несколько нетипично. Конечно, было бы еще более нетипично, если бы в той схватке погиб Морган или сэр Реджи, и уж совсем нетипично было бы, если бы в монастыре завалили меня.

Выражаясь языком популярной телеведущей, фамилию которой я не буду здесь приводить по вполне уважительной причине,¹¹ поэт оказался самым слабым звеном и выбыл из игры после первого раунда.

И это заставляло задуматься о том, что жизнь все же несколько отличается от описанных в книгах и показанных в фильмах историй.

Перед самым рассветом, когда я уже едва переставлял ноги, Морган высмотрел в стороне от тропы какую-то полянку и решил устроить привал. Думаю, сделал он это исключительно ради меня, поскольку остальные спутники выглядели так, словно вошли в лес полчаса назад.

Я скинул с плеча сумку и рухнул на землю, только тогда почувствовав по-настоящему, как устали мои нижние конечности. Кимли развел костер и подвесил над ним котелок с водой, сэр Реджи принялся доставать из своей сумки копченое мясо и хлеб. Диетическим питанием в походных условиях и не пахло.

Морган набил трубку и устроился в созерцательной позе.

Закончив с провизией, сэр Реджи сел рядом со мной.

¹¹ Я ее не помню.

– Я хочу посмотреть на меч, – заявил он.

– Пожалуйста. – Я отстегнул ножны от пояса и протянул ему.

– Не так, – возразил он. – Я не Избранный и не намерен прикасаться к Валькирии. Ты уже видел, что случается, если к ней прикасается кто-то еще. Вытащи ее из ножен и положи на землю.

Я вытащил и положил.

– Эспадон, – констатировал сэр Реджи. – Но благодаря своему росту ты можешь пользоваться им как обычным мечом, не так ли?

– Верно.

– В моем арсенале нет эпадона.

– Это плохо?

– Не очень хорошо, это точно. Как я могу научить тебя фехтованию, если не могу дотронуться до твоего меча и не могу скрестить с ним своего, потому что сразу потеряю оружие?

– Проблема, – сказал я.

– Какой у него баланс?

– ...! – сказал я вдохновенно. – Сэр Реджи, все, что я знаю о мечах, заключается в двух фразах. Я знаю, с какой стороны их следует держать и какой стороной рубить.

– На мой взгляд, он немного тяжеловат на конце, – сказал сэр Реджи. – Но баланс оружия – вещь сугубо индивидуальная, так что, даже взяв чужой меч в руки, я не смогу дать его владельцу правильные рекомендации. Режущая кромка вполне приличная, я бы даже сказал, очень приличная. Предусмотрена канавка для оттока крови, гарда надежно защищает руку. Хорошее оружие.

– Так и должно быть, – сказал я. – Наверное.

– Встань и возьми его в руку.

Вне всякого сомнения, я слишком устал от физических упражнений, но именно этим мечом мне предстояло сразить самого злодейского злодея этого мира, так что расслабляться не стоило.

Сэр Реджи встал рядом со мной.

– Повторяй мои движения.

Сэр Реджи обнажил свой меч, выставил правую руку вперед, а левую ногу отвел назад. Я скопировал его стойку. Потом сэр Реджи совершил несколько выпадов, не отводя взгляда от меня и Валькирии. Морган оторвался от созерцания деревьев и наблюдал за нами обоими.

– Покрути мечом, медленно. Где у него находится центр тяжести?

– Ближе к острию.

– Тяжеловат на конце, – повторил сэр Реджи. – Можешь пока убрать оружие, я видел уже достаточно.

– погоди, – сказал Морган. – Ответь мне, Геныч, что ты чувствуешь, когда держишь Валькирию в своих руках?

– Что я держу в руках меч.

– И все?

– А что я должен чувствовать еще?

– Приток силы, бурлящую ярость, могущество, знание о великих мастерах, которые ее выковали... Откуда мне знать? – Морган пожал плечами. – Я никогда не был Избранным. Но я точно знаю, что ты должен что-то чувствовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.